

Карен Армстронг

УТРАЧЕННЫЕ

БИБЛИЯ

КОРАН

ВЕДЫ

СМЫСЛЫ

ПУРАНЫ

ТАЛМУД

КАББАЛА

САКРАЛЬНЫХ

ТЕКСТОВ

«История религий, изложенная доступно и актуально.
Книга, мгновенно ставшая классикой».

— Publishers Weekly

Религии, которые правят миром

Карен Армстронг

**Утраченные смыслы сакральных
текстов. Библия, Коран, Веды,
Пураны, Талмуд, Каббала**

«ЭКСМО»

2019

УДК 2
ББК 86.2

Армстронг К.

Утраченные смыслы сакральных текстов. Библия, Коран, Веды, Пураны, Талмуд, Каббала / К. Армстронг — «Эксмо», 2019 — (Религии, которые правят миром)

ISBN 978-5-04-171103-0

Впечатляющий и яркий рассказ об основных священных текстах мировых религий и крупнейших духовных традиций прошлого от всемирно известной специалистки по религиоведению, автора 25 книг, изданных в 45 странах мира. Современное отношение к священным писаниям продиктовано относительно недавним ошибочным пониманием их предназначения. В них видят сборники законов и правила морали, незыблемые вечные истины, буквальное выражение воли Бога и даже бесполезные архаические литературные памятники. Как показывает Карен Армстронг, на протяжении большей части своей истории мировые религиозные традиции рассматривали свои священные тексты совсем не так, как мы привыкли думать, а как действенные инструменты, позволяющие человеку соединиться с божественным, испытать другой уровень сознания и помочь взаимодействовать с миром более осознанно и участливо. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 2
ББК 86.2

ISBN 978-5-04-171103-0

© Армстронг К., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Введение	7
Часть первая	16
1. Израиль: помнить, чтобы принадлежать	16
2. Индия: звук и молчание	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Карен Армстронг

Утраченные смыслы сакральных текстов. Библия, Коран, Веды, Пураны, Талмуд, Каббала

Посвящается Фелисити Брайан

*Шимшон пришел с отцом своим и матерью в Фимнафу,
и вот, гривастый лев рыкающий [идет] навстречу ему!
Дух YHWH приблизился к нему
и растерзал он льва, как терзают козленка;
не имея в руке своей ничего.
Но не сказал он ни отцу своему, ни матери о том, что сделал...
Он вернулся по прошествии года...
и свернул с дороги посмотреть навиего льва,
и вот: рой пчел в трупе львином, и мед!
Он отломил его в руки свои
и пошел, и ел дорогою;
Потом возвратился к отцу своему и матери,
и дал им немного, и они ели;
но не сказал он им, что из львиного трупа
отломил он сей мед.*

Суд 14:5–9, по переводу Эверетта Фокса

*В крупице песка – мир увидеть,
В цветке полевом – небеса,
Бесконечность в ладони своей удержать,
Вечность – в кратких часах.*

Уильям Блейк. Прорицания невинности (1803)

*Заключение: И если бы не фигура Поэта или Пророка, то вскоре все
Философское и Эмпирическое, обратившись в Рацию всего сущего, замерло
бы, способное лишь вновь и вновь повторять один и тот же унылый цикл.*

*Применение: Кто видит бесконечное во всем сущем, тот видит
Бога. Кто видит только рацию, тот видит лишь себя.*

*Следовательно: Бог становится таким, как мы, чтобы мы могли
быть как Он.*

Уильям Блейк. Нет никакой естественной религии (1788)

Karen Armstrong

The Lost Art of Scripture: Rescuing the Sacred Texts

Copyright © Karen Armstrong 2019

Перевод с английского Наталии Холмогоровой

© Холмогорова Н.Л., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Введение

Небольшая статуэтка слоновой кости из Ульмского музея – быть может, древнейшее известное нам свидетельство религиозной деятельности человека. Человекольву около сорока тысяч лет. На человеческом теле – голова пещерного льва: фантастическое существо в тридцать один сантиметр высотой спокойно и пристально смотрит на зрителя. Осколки этой статуэтки, заботливо спрятанные в потайном уголке, были обнаружены в пещере Штадель на юге Германии за несколько дней до начала Второй мировой войны. Известно, что в этих краях обитали группы *Homo sapiens*, охотились на мамонтов, оленей, бизонов, диких лошадей и других животных; однако в пещере Штадель они, по всей видимости, не жили. Должно быть, она, подобно пещерам Ласко в Южной Франции, предназначалась для ритуалов общины: собираясь здесь, люди вспоминали и разыгрывали мифы, придававшие смысл и цель их тяжелому, зачастую пугающему существованию. Тело человекольва хранит на себе следы тысяч прикосновений, словно верующие ласкали и поглаживали его, рассказывая его историю. Человеколев показывает нам также, что в те далекие времена люди уже умели представлять себе нечто несуществующее. Тот, кто вырезал его из бивня мамонта, был человеком в самом полном смысле слова: ведь *Homo sapiens* – единственное животное, способное воображать нечто, не относящееся к настоящему или ближайшему будущему. Итак, человеколев создан воображением – способностью, которую Жан-Поль Сартр определял как «умение мыслить то, чего нет»¹. Мужчины и женщины той далекой эпохи уже жили в реальности, не ограничивающейся тем, что можно увидеть, услышать и потрогать; и дальнейшая история человечества безмерно развила и углубила эту способность.

Наши величайшие достижения как в науке и технике, так и в искусстве и религии порождены воображением. С чисто рациональной точки зрения человекольва следует отвергнуть; он – не более, чем химера. Но неврологи говорят, что на самом деле мы не имеем прямого доступа к миру, в котором живем. Нам доступны лишь слепки или отпечатки мира, сложным образом преобразованного нашей нервной системой; так что все мы – и ученые, и мистики – имеем дело лишь с собственными представлениями о реальности, а не с ней самой. Мы видим мир не таким, каков он есть, а таким, каким он нам представляется; одни наши интерпретации точнее других, но абсолютно точной интерпретации не существует. Эта новость – пожалуй, тревожная – означает, что «объективные истины», на которые мы полагаемся, иллюзорны². Мир здесь, перед нами: его формы, его энергия существуют. Но наше восприятие мира – лишь ментальная проекция. Мир лежит вне наших тел, но не за пределами нашего разума. «*Мы и есть* эта маленькая вселенная, – писал бенедиктинский мистик Беда Гриффитс (1906–1993), – микрокосм, в котором, как в голограмме, присутствует макрокосм»³. Мы окружены реальностью, которая превосходит – или «выходит за» – пределы нашего понимания.

Таким образом, то, что мы воспринимаем как истину, неразрывно и неизбежно связано с миром, сконструированным нами для самих себя. Едва овладев орудиями труда, первые люди принялись создавать произведения искусства, придающие смысл ужасу, чудесам и тайнам бытия. И с самого своего возникновения искусство было тесно связано с тем, что мы именуем «религией» – в сущности, тоже формой искусства. Стены пещер Ласко – культового места первобытного человека – покрыты бесчисленными изображениями местной дикой фауны, насчитывающими не менее девятнадцати тысяч лет; а неподалеку, в подземном лабиринте Труа-Фрер (Трех братьев) в Арьеже нас встречают впечатляющие мамонты, бизоны, росوماхи и

¹ Sartre.

² Trimble, 204–205; Spilka et al., 150, 209.

³ Griffiths, 31 (курсив авт.).

мускусные быки, высеченные в стенах. И в центре сцены – массивная получеловеческая, полужвериная фигура; пройдя через узкий подземный тоннель – единственный путь в этот доисторический храм, – посетители оказываются под взглядом ее огромных пронзительных глаз. Как и человеколев, это химерическое создание не соответствует ничему, что было бы нам знакомо в эмпирической реальности – но, быть может, отражает реальность более глубокую: подспудное ощущение единства зверя, человека и божества.

Человеколев знакомит нас с несколькими темами, которые нам придется затронуть в разговоре о писании. Он показывает, что с самого начала своего существования люди сознательно культивировали восприятие бытия, выходящее за пределы эмпирического, и обладали инстинктивным стремлением к некоему более высокому модусу существования – к тому, что иногда называют Священным. Так называемая «вечная философия» (это название она получила потому, что присутствует во всех культурах вплоть до Нового времени) принимает как аксиому, что чувственный мир пронизан иной реальностью, непостижимой для нашего интеллекта, и именно в этой реальности получает себе объяснение. Удивляться этому не стоит: ведь, как мы уже видели, мы действительно окружены трансцендентным – реальностью, которую не можем познать объективно. Мы в современном мире, быть может, не воспитываем в себе вкус к трансцендентному так же усердно, как наши предки; однако всем нам знакомы моменты, словно затрагивающие нашу сокровенную суть, на мгновение возносящие нас над обыденностью, моменты, когда мы с особенной остротой и полнотой ощущаем себя людьми – в танце, музыке, поэзии, созерцании природы, в любви, сексе, спорте... или в том, что принято называть «религией».

В человеческом мозгу нет специальной «доли Бога», места, отвечающего за переживание священного. Однако в последние десятилетия неврологи обнаружили, что за создание поэзии, музыки и религии отвечает правое полушарие нашего мозга. Оно же участвует в формировании нашего самовосприятия и отвечает за «широкое» восприятие мира, не такое избирательное, как у более прагматичного левого полушария. Прежде всего правое полушарие видит себя в неразрывной связи с внешним миром, в то время как левое жестко от него отделено. Левая сторона нашего мозга, отвечающая за язык, аналитическое мышление и решение проблем, подавляет информацию, которую не может понять и переварить. Но правое полушарие, чью роль ученые в прошлом склонны были пренебрегать, обладает скорее холистическим, чем аналитическим видением: оно видит каждую вещь в связи с целым и ощущает, что все в реальности взаимосвязано. Поэтому ему близки и понятны метафоры – «сопряжения далековатых вещей», в то время как левое полушарие склонно к буквализму и стремится выдернуть вещи из контекста, разложить по полочкам и найти им практическое применение. Каждое новое впечатление сперва достигает правого полушария, где выглядит частью взаимосвязанного целого; затем правое передает его левому, которое находит для новой информации определения, относит к той или иной категории, оценивает и ищет ей применение. Но левое полушарие способно создать лишь очень урезанную версию сложной реальности; поэтому, обработав информацию, оно передает ее обратно правому полушарию, чтобы то рассмотрело ее – насколько это возможно – в контексте целого⁴.

Современная сосредоточенность на эмпирических и объективных открытиях, совершаемых левым полушарием мозга, несомненно, принесла человечеству величайшие блага. Она расширила наши умственные и физические горизонты, значительно улучшила понимание мира, резко снизила уровень человеческих страданий, позволила большему, чем когда-либо, числу людей наслаждаться физическим и эмоциональным благополучием. Однако современное образование все более склонно ставить в центр внимания естественные науки и отодвигать на задний план то, что мы называем науками гуманитарными. И об этом можно только

⁴ Van Lancker; McGilchrist, 40–54; Ornstein.

пожалеть: ведь это значит, что мы все более и более развиваем одну половину своих умственных способностей в ущерб другой. Игнорировать логику, анализ и рациональное мышление, за которые отвечает левое полушарие, было бы безумием. Однако психологи и неврологи утверждают: чтобы безопасно и творчески функционировать в мире, нам необходимо гармонично соединять активность левого полушария с активностью правого.

Левое полушарие по природе склонно к состоятельности – и к излишней самоуверенности, поскольку работа правого полушария в основном проходит мимо него. Но правое полушарие обладает более глубоким и полным взглядом на реальность, которую, как мы уже видели, мы никогда не сможем понять в полной мере; ему ближе, чем левому, все материальное и телесное. Левое полушарие необходимо для выживания, оно дает возможность исследовать то, что нас окружает, и им управлять; однако оно способно работать лишь с абстрактной «выжимкой» из той сложной информации, что передает ему правое. Правое полушарие менее сосредоточено на себе – и потому мыслит реалистичнее левого. У него более широкий взгляд на мир, оно способно «держат в голове» одновременно несколько разных представлений о реальности и, в отличие от левого, не делает безоговорочных выводов на основе абстрактных суждений. Правое полушарие, настроенное на восприятие Другого – всего, что отличается от нас, – внимательно и чутко к отношениям. В нем обитают сочувствие, сострадание и наше чувство справедливости. Способное встать на точку зрения другого, оно сдерживает наш природный эгоизм⁵.

Две половины нашего мозга, как правило, работают в тандеме, их функции тесно переплетены; однако случаются в истории периоды, когда люди склонны развивать одно полушарие более, чем другое. Например, вплоть до недавнего времени исследователи мозга именовали правое полушарие «меньшим»: в этом выражалось наше современное предпочтение рационального, аналитического мышления. Однако на всем протяжении истории художники, поэты и мистики бережно хранили и возделывали прозрения правого полушария. Задолго до того, как специализации двух половин нашего мозга были вполне исследованы, американский философ Уильям Джеймс (1842–1910) писал, что наше повседневное рациональное сознание – лишь один из видов мышления. Существуют и другие модусы восприятия, отделенные от него тончайшей завесой – модусы, в которых законы, управляющие нашим повседневным мышлением, на время теряют свою силу. Джеймс был убежден: чтобы вполне познать себя, нам требуются «пиковые» переживания, возникающие тогда, когда обычное (левополушарное, как сказали бы мы сегодня) сознание отключается⁶. Нам известно, что с самых ранних времен некоторые одаренные индивидуумы культивировали то, что мы бы сегодня назвали правополушарным сознанием – и воспринимали несказанное единство всего сущего в его целостности. Некоторые из этих пророков, поэтов и провидцев выражали свои прозрения в писании; другие следовали писанию и им вдохновлялись. Эти люди не были ни невеждами, ни безумцами. Они использовали свою природную способность – и приходили к важнейшим прозрениям, ключевым, как мы увидим далее, для самого существования человечества.

Именно правое полушарие мозга сподвигло неизвестного скульптора создать человека: увидев глубинное единство всех вещей, он сумел воспринять и таинственную связь, каким-то образом сопрягающую свирепого пещерного льва с хрупким и уязвимым *Homo sapiens*. На всем протяжении человеческой истории члены охотничьих племен не воспринимали биологические виды как нечто жесткое и застывшее: в их представлении человек мог превратиться в животное, животное – принять человеческий облик, а шаманы поклонялись зверям как посланникам высших сил⁷. Вырезанный из бивня мамонта – крупнейшего живот-

⁵ McGilchrist, 78–93.

⁶ James.

⁷ Steiner, 217.

ного в регионе, – человеколев смотрит внимательно и пристально, и этот взгляд подсказывает нам, что он сродни своим почитателям-людям. В пещере Штадель два, казалось бы, разных вида слились воедино – и люди преклонялись перед этим гибридом, видя в нем нечто божественное. Эти охотники не поклонялись «сверхъестественному» божеству. Скорее, в человеколье – как и в таинственной фигуре из лабиринта пещеры Труа-Фрер – они почитали двух смертных земных созданий, слитых в одно и потому уподобившихся богу. Человеколев бросает вызов некоторым современным концепциям Священного, покоящимся на представлении о далеком, отдельном и всемогущем Боге-Творце. Но, будь трансцендентное просто далекой реальностью, находящейся «где-то там», которую если и можно уловить, то лишь на мгновение – «религия» никогда не завоевала бы множество человеческих умов и сердец. Далее мы увидим: почти все писания, которые мы будем рассматривать, настаивают, что люди должны открывать божественное и в самих себе, и в мире, в котором живут; они утверждают, что каждый человек причастен абсолютному и, следовательно, неограниченному потенциалу. На протяжении столетий люди говорили об «обоожествлении», «просветлении», «обоожении» – прозрение, исходящее из правого полушария нашего мозга, для которого сакральное и профанное неотделимы друг от друга. Это не означает, однако, что то, что мы именуем Священным или Богом – лишь «заблуждение», наше психическое переживание и только. Мы еще увидим: пророки, мистики и провидцы, искавшие подобных переживаний, настаивали, что в них отражается непостижимая Реальность, лежащая за гранью всех наших представлений. Однако, не воспринимая в себе холистическое правополушарное восприятие, мы бы вовсе не могли воспринять трансцендентное или даже его помыслить.

Итак, человеколев выражает еще и заложенную глубоко в человеке жажду преображения. Люди не просто ищут трансцендентных переживаний – скорее, они стремятся познать трансцендентное и каким-то образом стать с ним единым целым. Им не нужно далекое божество; они стремятся к преображенному человечеству. Далее мы увидим, что это важная тема писания: люди хотят «вырваться» из пут страдания и смерти и ищут способы этого достичь. Нынешний человек не столь амбициозен: мы просто хотим похудеть, укрепить здоровье, стать моложе и красивее, чем мы есть. Мы чувствуем, что под покровом нашего прискорбно несовершенного «я» прячется иной, «лучший вариант себя»: нам хочется быть добрее, храбрее, остроумнее, харизматичнее. Но писания идут дальше: они настаивают, что каждый из нас может стать Буддой, мудрецом, Христом или даже богом. Американский ученый Фредерик Стренг дает такое рабочее определение религии:

Религия – это *путь к сущностному преображению*... Под сущностным преображением я имею в виду переход от плененности заботами и бедами нашего обычного существования (грехом, невежеством) к жизни, позволяющей преодолевать эти беды на глубочайшем уровне. Способность жить таким образом открывает человеку глубочайшую, наиболее аутентичную – предельную реальность⁸.

Мифы, ритуалы, священные тексты и этические практики религии вместе составляют план действий, согласно которому «люди выходят за грани обыденности и соединяются с истинной и предельной реальностью, способной спасти их от разрушительных сил повседневного существования»⁹. Живя в присутствии предельно реального и истинного, люди обнаружили, что это не только помогает им выдерживать сокрушительные удары жизни, но и наполняет саму жизнь новой глубиной и целью.

⁸ Streng, 2 (курсив авт.).

⁹ Там же, 3.

Но что такое эта «истинная и предельная реальность»? Далее мы увидим, что писания дают ей различные имена: *пта*, Брахман, Дао, нирвана, Элохим, Бог – и что западный мир в наше время пользуется неадекватной и, в конечном счете, неработающей концепцией Божественного – концепцией, которую предыдущие поколения сочли бы наивной и незрелой. В детстве я заучивала ответ на вопрос: «Что есть Бог?» из Католического Катехизиса: «Бог есть Высший Дух, единственный, чье существование обусловлено Им Самим, бесконечно совершенный во всем». Такой ответ не только сух и скучен: он и неверен, ибо пытается *определить* — буквально «поставить пределы» – реальность по определению беспредельную. Мы увидим, что в те времена, когда левому полушарию уделялось меньше чести, чем в наши дни, Бога не называли ни «духом», ни «существом». Скорее, Бог был самой Реальностью. У Бога не только не было пола; ведущие богословы и мистики настаивали, что Бог даже и не «существует» в каком-либо понятном нам смысле. Вплоть до Нового времени «предельная реальность» стояла ближе всего к тому, что немецкий философ Мартин Хайдеггер (1899–1976) называл «Бытием»: фундаментальной энергией, пронизывающей и поддерживающей все сущее. Ее нельзя ни увидеть, ни услышать, ни потрогать: лишь благоговейно созерцать ее отблески в созданных ею людях, предметах и природных силах. Она неопределима по определению – ибо невозможно извлечь ее из бытия, поставить перед собой и рассмотреть объективно.

Традиционно Священное воспринималось как присутствие, пронизывающее всю реальность: людей, животных, растения, звезды, ветер и дождь. Поэт-романтик Уильям Вордсворт (1770–1850) осторожно называет его «нечто» – именно потому, что оно неопределимо и ускользает от любых рациональных объяснений. Он описывает его так:

Я ощущаю
Присутствие, палящее восторгом,
Высоких мыслей, благостное чувство
Чего-то, проникающего вглубь,
Чье обиталище – лучи заката,
И океан, и животворный воздух,
И небо синее, и ум людской —
Движение и дух, что направляет
Все мыслящее, все предметы мыслей,
И все пронизывает¹⁰.

Он рассказывал, что «научился» принимать это прозрение¹¹. Можно сказать, что он достиг этого, сознательно развивая правополушарное мышление и – на некоторое время – подавляя аналитическую активность левого полушария. Таким образом, когда люди пытаются достичь «предельного», они не подчиняются какому-то чужому, отдаленному, всесильному «существу» – они стремятся к более аутентичному модусу бытия. Мы увидим, что вплоть до начала Нового времени мудрецы, поэты, богословы настаивали: то, что мы называем «Богом», «Брахманом» или «Дао», невыразимо, неопишимо, непознаваемо – и все же находится внутри нас: это постоянный источник жизни, энергии и вдохновения. Религия – и писания – были видами искусства, помогавшего людям поддерживать связь с этой трансцендентной реальностью и, в том или ином смысле, становиться ей причастными.

Человеколев, разумеется, появился на свет задолго до появления писаний: они возникли в куда более крупных и сложно устроенных обществах, где людям понадобились общие пра-

¹⁰ Уильям Вордсворт. Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай (в переводе В. Рогова. – *Прим. пер.*).

¹¹ Там же.

вила и ценности. Древнейшие цивилизации зародились на Ближнем Востоке в середине IV тысячелетия до н. э. До появления современной индустриальной экономики все государства и империи жили сельскохозяйственным трудом и держались только на безжалостной эксплуатации. Мы увидим далее, что в каждом аграрном обществе небольшая группа аристократии вместе со своей обслугой забирала у крестьян излишки урожая и использовала для финансирования своих культурных проектов, обрекая девяносто процентов населения на существование впроголодь. Ни в одной домодерновой цивилизации мы не найдем альтернативы этой схеме. Однако, говорят нам историки, не будь этой несправедливой системы – мы, возможно, никогда не поднялись бы над первобытным уровнем; ведь именно она создала привилегированный класс, имеющий досуг для занятий искусствами и науками, двигающими вперед цивилизацию¹².

Одним из этих важнейших для цивилизации *искусств* стало писание, тесно связанное с важнейшей для цивилизации *наукой* ритуала. В домодерновом мире слово «наука» означало комплекс знаний, требующий специальных навыков и обучения. Мы увидим, что тщательно разработанная физическая составляющая ритуалов помогала их участникам развить в себе холистическое правополушарное видение, ибо правое полушарие лучше реагирует на состояния тела. Почти все мудрецы, пророки и философы, о которых мы будем говорить, принадлежали к элите общества – только у нее имелся досуг для интенсивного созерцания и сложных ритуалов. Верно, что писания Израиля поначалу составлялись и передавались в группах маргиналов; однако затем их потомки создали полноценные аграрные государства. Иисус и его ученики были выходцами из крестьянства, однако тексты Нового Завета составили уже после их смерти члены образованной иудейской элиты. Но почти все писания говорят, что божество недовольно царящим в обществе неравенством, и настаивают, что и самый меньший из людей не только заслуживает уважения, но и потенциально несет в себе Бога.

Итак, писание сложилось как форма аристократического искусства. Определить писание можно так: это текст, воспринимаемый как священный, часто – хотя не всегда – рассматриваемый как божественное откровение, являющийся частью авторитетного канона. Наше слово «писание» предполагает письменный текст; однако большинство писаний поначалу составлялись и передавались устно. В некоторых традициях звучание боговдохновенных слов считалось даже важнее их семантического значения. Писание обычно пели, декламировали или читали нараспев в особой манере, отличной от повседневной речи, так что слова – порождение левого полушария – пропитывались трудно определимыми эмоциями правого. Музыка, порожденная правым полушарием, ничего не «значит» – скорее, означает самое себя. Даже после того, как писания стали письменными, часто считалось, что они мертвы, пока их не воспламенит живой голос – подобно тому, как нотная запись становится вполне живой, лишь когда музыку начинают играть. Итак, вплоть до Нового времени писание было по сути своей перформативным искусством: почти всегда оно разыгрывалось как ритуальная драма и принадлежало к миру мифа.

В наше время в популярном словоупотреблении «мифом» называется нечто, противоположное правде. Политик, обвиненный в каких-нибудь прошлых грешках, может ответить: «Это миф!» – то есть ничего такого не было. Но традиционно под мифом понималась вневременная истина, *то, что в каком-то смысле произошло однажды, но и продолжает происходить вечно*. Миф давал людям возможность находить смысл собственной жизни, ставя свои проблемы во вневременный контекст. Миф можно назвать ранней формой психологии: сказания о героях, находящих путь в лабиринте или сражающихся с чудовищами, проливали свет на темные уголки нашей психики, с трудом поддающиеся рациональному исследованию. Но мифическое сказание может лишь подсказать тебе верное духовное или психологическое отно-

¹² Kautsky, *Aristocratic Empires*.

шение к происходящему; следующий шаг ты должен сделать сам. Мифы писания не предназначены для того, чтобы подтверждать нашу веру или укреплять нас на избранном пути: скорее, они призывают к радикальному преобразению разума и сердца. Миф невозможно подкрепить логическими доказательствами: его прозрения, как и прозрения искусства, покоятся на правом полушарии. Миф – способ увидеть ту таинственную реальность мира, которую мы не в силах постичь концептуально; он оживает, лишь воплощаясь в ритуале, а без него выглядит абстрактным и даже чужим. Миф и ритуал так тесно сплетены, что ученые спорят о том, что появилось первым: мифический сюжет или связанные с ним ритуалы.

На протестантском Западе ритуал часто считают второстепенным по отношению к писанию или даже отвергают, как «папистское» суеверие. Но вплоть до начала Нового времени чтение писания вне его ритуализованного контекста ощущалось как нечто неестественное и неполное, вроде чтения либретто оперы. Порой, как мы увидим, ритуал оказывался даже намного важнее писания. Некоторые ключевые религиозные учения – например вера христиан в то, что Иисус был воплощенным Сыном Божиим – коренились именно в ритуальной практике, а писанием почти не подтверждались. Другие традиции, как, например, чань(дзен) – буддизм, считали писание совершенно необязательным. Но от ритуала отказывались крайне редко: в прошлом реформаторы, отвергавшие обряды и церемонии своего времени, почти всегда заменяли их новыми. У Будды, например, не было времени на долгие и сложные ведические жертвоприношения браминов – но он требовал от своих монахов так насытить ритуалом повседневную физическую активность, чтобы и их походка, и речь, и омовение выражали красоту и благодать нирваны. Ритуал был важен, поскольку задействовал тело. В наши дни неврологи утверждают, что значительный объем информации мы получаем через чувства и физические жесты¹³.

Однако наше современное общество прочно укоренено в «логосе» или «разуме», который, чтобы эффективно функционировать в мире, должен опираться исключительно на фактологическую, объективную, эмпирическую реальность; логос – тип мышления, характерный для левого полушария мозга. Но как для полноценной жизни человеку необходимы оба полушария, так же необходимы нам и миф, и логос – и у каждого из них есть ограничения. Миф не способен, как логос, дать существование чему-то совершенно новому. А ученый может найти лекарство от неизлечимой доселе болезни; но это не защитит его от отчаяния при столкновении со смертностью, трагичностью и видимой бессмысленностью нашего существования¹⁴.

Господство логоса в современном обществе и образовании делает писание проблематичным. В начале Нового времени на Западе люди начали читать библейские повествования как «логосы» – так, словно Библия предлагает фактически точные отчеты о реальных событиях. Но далее мы увидим, что сюжеты писаний никогда не претендовали на фактологическую точность описаний творения мира или происхождения видов. Не стремились они и представить исторически верные биографии древних мудрецов, пророков и патриархов. Достоверная историография – вообще феномен достаточно недавний. Она стала возможна, лишь когда археологическая методология и хорошее знание древних языков радикально улучшили наше понимание прошлого. Поскольку писание не соответствует современным естественнонаучным и историографическим нормам, многие отвергают его как невероятное или попросту лживое; однако мы не применяем те же критерии к художественной литературе, средствами вымысла дарующей нам глубокие и ценные прозрения. Не отрицаем поэтического гения Джона Мильтона из-за того, что рассказ о творении Адама в «Потерянном рае» не согласуется с гипотезой эволюции. Произведение искусства, будь то роман, стихотворение или писание, следует воспринимать согласно законам его жанра – и, как любое произведение искусства, писание требует дисципли-

¹³ Mark Johnson, *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason* (Chicago, 1987).

¹⁴ Sloek, 53–96.

плинированно воспитывать в себе соответствующий модус сознания. Мы увидим, что, читая писания, люди нередко сидят, двигаются или дышат так, чтобы воспринимать его не только умом, но и всем телом.

* * *

В этой книге мы не сможем рассмотреть все писания мира; некоторые священные каноны столь велики, что даже верующие не пытаются прочесть все собранные в них тексты. Но, чтобы пролить свет на жанр писания, я прослежу хронологическое развитие основных священных канонов Индии и Китая, а также монотеистических традиций иудаизма, христианства и ислама. Все эти писания предписывают различные пути жизни в гармонии с трансцендентным, но в одном они друг с другом согласны. Чтобы жить в подлинной связи с тем, что Стренг называет непознаваемой «предельной реальностью», люди должны очиститься от эгоцентризма. Центральная тема писаний – то, что греки называли *кенозисом* («умалением» или «опустошением» своего «я»). Далее, все писания настаивают, что лучший способ выйти за пределы своего «я» – развивать в себе сочувствие и сострадание, порождаемые правым полушарием. В наше время часто можно услышать, что писание якобы порождает насилие и ненависть; мы разберем некоторые из таких «сомнительных» текстов. Но в писаниях так или иначе звучит и совсем другое: мы не должны проявлять доброжелательность лишь к собственному народу, наш долг – чтить и чужеземца, и даже врага. Трудно вообразить себе этику, более необходимую в нашем раздираемом на части мире.

Кенозис требует преодоления своего «я» – состояния чрезвычайно труднодостижимого. Поэтому некоторые традиции настаивают, что нельзя читать писание самостоятельно. Необходим учитель, обучающий своих учеников такому образу жизни, который позволит им систематически «выходить за пределы» своего эго, разрушать нашу инстинктивную склонность ставить себя в центр мира. Без такого учителя, настаивал один китайский мудрец, писание останется для тебя непроницаемым. Но почти все писания представляют нам «конечный результат»: человека, который достиг этого преобразования и стал божественным. Такие люди не одержимы какой-то чуждой силой; скорее, они проживают свою жизнь в ее предельной полноте, в согласии с предельным «чем-то», пронизывающим все и вся, и достигают более аутентичного модуса бытия. Писания настаивают, что это не достижение малой горстки выдающихся людей: это доступно каждому, любому человеку с улицы, ибо все «человеческое» является вместе с тем и «божественным». Некоторые традиции описывают божественное как третье измерение человеческого, ту таинственную, ускользающую от всех определений стихию, которую мы встречаем и в себе, и в других.

Однако разные писания по-разному расставляют акценты. В некоторых традициях в центре внимания космос, в других – общество. Писания Индии и Китая с самого начала настаивали на том, что люди должны подчинить себя ритмам природы. В особенности в Индии вселенная представляется как нечто по природе хрупкое: человек должен постоянно что-то отдавать, чтобы поддерживать в бытии этот хрупкий мир. И снова: в наши дни, когда ученые предупреждают, что изменения климата становятся необратимыми, трудно вообразить себе более актуальное послание. Но и монотеистические традиции, подчеркивающие важность справедливости и равенства, обращаются напрямую к нашему текущему положению. Несмотря на то что равенству и правам человека сейчас уделяется большое внимание, эти пророческие обличения нам очень нужны. Сейчас, когда я пишу эти строки, неприемлемо большое число людей в Великобритании – одной из богатейших стран мира – в холодную зиму ночуют на улицах. Мы, люди, «настроены» на трансцендентное, и в последние десятилетия интерес к религии возрождается во всем мире – даже в бывшем Советском Союзе и в Китае, где ее много десятков лет преследовали. Агрессивный скептицизм Северной Европы начинает выглядеть

милым старомодным чудачеством. Однако, чтобы быть аутентичным, это религиозное возрождение не может оставаться только личным поиском истины; нам необходимо вновь обратиться к писаниям и прочесть то, что говорится в них о страдании, гневе и ненависти – силах, булещующих современный мир и угрожающих всем нам.

До начала Нового времени, когда гуманисты Возрождения и протестантские реформаторы попытались вернуться «к источникам» (*ad fontes*) христианства, писания постоянно пересматривали, поправляли, осовременивали в соответствии с запросами дня. Искусство писания не означало возвращения в прошлое, к какому-то воображаемому совершенству, поскольку священный текст не застывает во времени: он пишется постоянно. Соответственно, и искусство экзегезы писания было творчеством, задеиствующим воображение и поэтическое мастерство. Так что для того, чтобы верно, аутентично читать писания, мы должны сопоставлять их с современными обстоятельствами. Вместо этого сегодня некоторые христианские фундаменталисты пытаются возродить законодательство Еврейской Библии, относящееся к бронзовому веку, а мусульманские реформаторы стремятся рабски воспроизводить нравы Аравии VII века.

Учитывая наши нынешние проблемы, особенно важна и актуальна для нас выраженная в писаниях вера в божественный потенциал каждого человека. Быть может, есть особое значение в том, что человеколев из пещеры Штадель был найден накануне Второй мировой войны – страшного времени, показавшего нам, что происходит, когда вера в сакральность каждого человеческого существа оказывается утрачена.

Часть первая

Космос и общество

1. Израиль: помнить, чтобы принадлежать

Один из самых известных сюжетов Еврейской Библии – грехопадение Адама и Евы. Яхве, божественный создатель, поселил первых людей в Эдеме, где «произрастил из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла»¹⁵. Однако Яхве дал Адаму суровое предостережение: ему можно есть плоды со всех деревьев, кроме древа познания, ибо «в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»¹⁶. Но увы: Ева поддалась искушению змия, и они с Адамом оказались обречены на жизнь, полную тяжких трудов и страданий, конец которым кладет только смерть.

Эта история глубоко укоренена в иудеохристианском сознании, и для нас, быть может, удивительно будет узнать, что она восходит к преданиям Премудрости Междуречья, воплощающим нравственные идеалы правившей аристократии¹⁷. Цивилизация впервые возникла в Шумере, на территории нынешнего Ирака, около 3500 г. до н. э. Шумеры первыми начали использовать избыток сельскохозяйственных продуктов, выращенных на плодородной равнине между реками Тигр и Евфрат, для формирования привилегированного правящего класса. Около 3000 г. до н. э. в Междуречье стояла уже дюжина городов, и каждый кормили крестьяне, живущие в окрестностях. Шумерские аристократы и их обслуга – чиновники, воины, писцы, купцы и слуги – присваивали от половины до двух третей урожая, производимого закрепощенными крестьянами¹⁸. О жизни тогдашних бедняков до нас дошли фрагментарные известия: «Бедному лучше умереть, чем жить», – жалуется кто-то из них¹⁹. Именно в Шумере была изобретена система структурного неравенства, господствовавшая с тех пор во всех государствах вплоть до Нового времени, когда сельское хозяйство утратило роль экономической основы цивилизации²⁰.

Однако Адам и Ева жили до начала времен – до того, как земля произвела тернии и волчцы и людям пришлось в поте лица своего выбивать хлеб свой из неговорчивой почвы. Жизнь в Эдеме была идиллией, пока Ева не встретила змея, к которому применен эпитет *арум* — самый «тонкий», «хитрый», «мудрый» из зверей полевых. «Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» – спросил змей у Евы. Та ответила, что им запрещено под страхом немедленной смерти лишь древо познания. Предсказание «хитрого» змея о том, что случится с Адамом и Евой, если они вкусят запретный плод, выдержано в стиле и выражениях шумерской Премудрости: «Нет, не умрете; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло». Разумеется, Ева поддалась: ей хотелось превзойти свою человеческую природу и стать богоподобной. И в самом деле, вкусив запретный плод, пара вовсе не умерла немедленно, как грозил Яхве. Вместо этого, как и

---

¹⁵ Быт 2:9. (Все цитаты из Ветхого и Нового Заветов, если не оговорено обратное, приводятся по Синодальному переводу. – Прим. пер.)

¹⁶ Быт 2:17.

¹⁷ Carr, *Tablet of the Heart*, 60–61.

¹⁸ Lenski, 227–228; A. L. Oppenheim, *Ancient Mesopotamia: Portrait of a Dead Civilization* (Chicago, 1977), 88–89.

¹⁹ Kramer, 118.

²⁰ Gottwald, *Politics of Ancient Israel*, 118–119.

обещал змей, «открылись глаза их»²¹ – слова, напоминающие нам воззвание месопотамского ученика к учителю:

Учитель-бог, [образующий] человечность, ты бог мой!
Ты открыл мне глаза, словно щенку;
Ты придал мне человеческий облик!²²

Для этого ученика «божественно» не что-то «сверхъестественное»: богом делает человека воспитание его нецивилизованной и, следовательно, недочеловеческой природы. Однако, познав добро и зло, Адам и Ева устыдились своей грубой, нагой человечности, так что «сделал Бог Яхве Адаму и жене его одежды кожаные и одел их»²³ – инверсия эпизода из месопотамского «Эпоса о Гильгамеше», где Энкиду, первобытный человек, становится вполне человеком, лишь надев одеяния, которых требует цивилизованная жизнь.

Библейский автор использует месопотамские мотивы по-своему, быть может, иронически их переиначивая; однако само их появление на первых страницах Библии ясно показывает, что это писание не упало с неба – это человеческий артефакт, укорененный в тогдашней культуре, общей у «избранного народа» с соседними народами, не благословленными божественным откровением. Эта загадочная история показывает нам и то, что писание не всегда предлагает ясные и однозначные учения; порой оно оставляет нас в недоумении и в раздумьях. В первой главе Библии Бог не раз повторяет, что все созданное им «хорошо»; однако нам специально поясняют, что змей, убедивший Еву послушаться Бога – тоже часть Божьего творения²⁴. Выходит, возможность беззакония и мятежа лежит у самых корней бытия – и тоже в каком-то смысле «хороша»? А почему Яхве так свободно обращается с фактами – зачем сказал Адаму, что он умрет в тот самый день, когда съест запретный плод? На эти вопросы библейский автор не отвечает; и далее мы увидим, что иудеи и христиане истолковывают эту загадочную историю на удивление по-разному.

И это не единственный случай месопотамского влияния в еврейском писании. Например, существуют очевидные параллели между месопотамской и израильской традициями законодательства и договоров²⁵. Эпическая литература обоих народов упоминает о Великом Потопе, погубившем мир в доисторические времена, а история Моисея, мать которого спрятала его от слуг фараона в тростнике, очень напоминает легенду о Саргоне, в III тысячелетии до н. э. правившем первой аграрной империей на территории нынешних Ирака, Ирана, Сирии и Ливана. Еще более важно то, что преимущественное внимание к социальной справедливости и равенству, характерное для монотеистических писаний иудаизма, христианства и ислама, не является ни плодом особого божественного откровения, ни даже чем-то свойственным лишь Израилю. Хоть аграрная экономика и покоилась на подавлении девяноста процентов населения, защита слабых и уязвимых была постоянной темой для всего древнего Ближнего Востока²⁶. Шумерские цари настаивали на том, что правосудие для бедняков, для вдов и сирот – священный долг, предписанный им солнечным богом Шамашем, который внимательно прислушивается к просьбам бедных о помощи. Позднее в Кодексе царя Хаммурапи (1728–1686 гг. до н. э.), основателя Вавилонской империи в Междуречье, мы находим слова о том, что лишь до тех пор солнце светит людям, пока царь и его аристократия не угнетают своих подданных; в Египте фараон был обязан своим подданным справедливостью, поскольку сам Ра, солнечный

---

²¹ Быт 3:1–7.

²² Цит. по: Carr, *Tablet of the Heart*, 17.

²³ Быт 3:21.

²⁴ Быт 3:1.

²⁵ Weinfeld, 59–157.

²⁶ Fensham, 176–182.

бог, был «визирем бедных»²⁷. Все это отражало гнетущее недовольство несправедливостью, неизбежной в аграрном государстве, и, возможно, попытки отделить «милостивого» царя от чиновников, принимающих несправедливые решения. Казалось, у этой моральной дилеммы цивилизации нет решения. В «Эпосе о Гильгамеше» простые люди жалуются на жестокость царя, но, когда боги излагают их дело верховному богу Ану, тот лишь грустно качает головой: он тоже не в силах изменить хроническую несправедливость этой системы.

Адам и Ева нарушили формальное соглашение с Яхве; и в этом отразился широко распространенный на Ближнем Востоке страх перед нарушением священного договора. Это стало «первородным грехом». Тема завета с Богом, господствующая в Еврейской Библии, пронизывала весь древний Ближний Восток, начиная со второй половины II тысячелетия до н. э.²⁸ Египетские писания также предлагали свод правил, изучение которых помогало аристократической молодежи усвоить идеологию, удерживающую общество вместе и придающую ему особый нравственный облик. Египтяне называли эти правила «Маат», что означало «истина, справедливость, правосудие». Суть их была в том, что каждый призван думать о других и придерживаться того, что часто именуют Золотым Правилom: поступать с другими так, как хотим, чтобы они поступали с нами, – хотя, разумеется, на крестьян, гнувших спину на полях, это не распространялось.

Но Маат не дается человеку от природы. Ее необходимо воспитывать с помощью так называемой «культурной памяти»: набора воспоминаний, рассказов о прошлом и видений будущего, вместе составляющих культурный код общины. Чтобы сформировать прочное сообщество, люди сознательно культивировали эту коллективную память, создавая ритуалы, позволяющие постоянно удерживать ее в сознании²⁹. В Древнем мире идеальные нормы часто возводились к очень отдаленному прошлому и воплощались в фигурах выдающихся личностей, таких как Гильгамеш, древний шумерский царь, деяния которого воспел великий месопотамский эпос. Это были не упражнения в ностальгии, а призывы к действию: что было реализовано однажды, то может быть достигнуто вновь. Таким образом, прошлое оставалось «потенциальным настоящим», проектом для каждого поколения³⁰. В Месопотамии, Финикии и Египте молодые аристократы получали образование, в ходе которого тщательно изучали и заучивали наизусть ключевые тексты, вроде «Эпоса о Гильгамеше», вместе с изречениями, гимнами, важными историческими документами и преданиями о начале времен.

Эти ключевые тексты записывались, но правящему классу, отвечавшему за нестабильную аграрную экономику, требовалось прежде всего знать их наизусть, знать сердцем и душой. Наше слово «писание» означает письменный текст, и со времен изобретения книгопечатания и широкого распространения грамотности чтение сделалось молчаливым, уединенным занятием. Но в Древнем мире рукописи зачастую были тяжелыми, неудобными и почти нечитаемыми; например, древнейшие греческие рукописи выполнялись сплошь заглавными буквами и без промежутков между словами³¹. В Месопотамии глиняные клинописные таблички порой были так малы, что их было чрезвычайно трудно расшифровать. Они изготавливались не для того, чтобы читать «с листа» – скорее, служили чем-то вроде нотной записи для музыканта, подспорьем для исполнителя, уже знающего текст. По умолчанию считалось, что чтец, исполняющий «Эпос о Гильгамеше» или «Илиаду» Гомера, уже знает их наизусть. Письменная версия представляла собой лишь опорную точку для воспроизведения и передачи этих незамени-

²⁷ Lambert, 134–135.

²⁸ Assmann, *Cultural Memory and Early Civilization*, 208–212, 231.

²⁹ Jan Assmann, 'Remembering in Order to Belong: Writing, Memory, and Identity', in Assmann, *Religion and Cultural Memory*, 86–95.

³⁰ Carr, *Tablet of the Heart*, 11–12.

³¹ Там же, 4–6; Thomas, 91–92.

мых для общества текстов³². Ученики не заучивали текст, читая его в рукописи; они слушали, как исполняют, декламируют, поют этот текст их учителя до тех пор, пока не научались повторять его слово в слово.

В Месопотамии и Египте культурная традиция сохранялась в умах и сердцах писцов: об этих людях, хранителях коллективной памяти, говорили, что у них «в головах библиотеки». В юности их заставляли заучивать эти тексты наизусть с безупречной точностью, чтобы затем в неприкосновенности передать следующему поколению: «Ты, разумеется, умелый писец во главе своих товарищей, – читаем мы в одной древнеегипетской сатире, – в голове у тебя записаны учения всех книг»³³. Школы писцов обычно были небольшими, семейными. Отец наставлял в преданиях Премудрости сына, однако, поскольку люди в те времена умирали часто и временно, брал себе и других учеников. Цель учебы состояла не в том, чтобы передать факты, но чтобы прочно внедрить в голову ученика ценности правящего класса, дать ему усвоить этос, пронизывающий общество. Только тогда он становился «цивилизованным» человеком. До нас дошла месопотамская загадка, так описывающая задачу школы писцов:

С закрытыми глазамиходишьтуда,
С открытыми глазамиоттуда выходишь³⁴.

Ученики, как мы уже видели, воспринимали своих учителей как «богов», дарующих им «человеческий облик». Это не значит, что образование делало их сострадательными и гуманными. В отличие от крестьянских масс, рассматриваемых как некий низший вид живых существ, лишь эти книжники, полностью укорененные в шумерском аристократическом этосе, считались полноценными людьми. Не учили их и думать самостоятельно: нелегкое выживание шумерской цивилизации требовало полного, нерассуждающего подчинения нравам господствующего класса, и это подчинение становилось второй натурой молодых аристократов и их грамотных прислужников. Эта так называемая «человечность» полнее всего воплощалась в фигуре царя, считавшегося величайшим в стране мудрецом.

Итак, искусство письма было связано с властью и принуждением. Изначально клинопись была создана для фиксации налогов, безжалостно взимаемых с крестьян. Она служила целям укрепления и централизации политической власти. Письменность позволяла правительству передавать свои распоряжения на расстоянии, была полезна в торговле, сношениях между официальными лицами, в юридических делах. Однако ни у одного государства не было ресурсов, да и желания учить грамоте народные массы. На протяжении столетий, задолго после изобретения письма, нормой оставалась устная передача традиции³⁵. От писцов требовалось сделать необученного школяра «своим» путем отупляющей индоктринации, делавшей его податливым и покорным³⁶. Как правило, обучение сопровождалось телесными наказаниями, а ум учеников отупляло заучивание наизусть огромных массивов текста, скучных, малопонятных, на вид не имеющих отношения к реальной жизни – да еще и на древнешумерском языке, который со временем сделался темным и почти непостижимым³⁷.

Но не всегда этот мрачный режим обучения подавлял творческое начало. Порой какому-нибудь особенно одаренному писцу поручали преобразовать и адаптировать древние предания в соответствии с текущими нуждами. Некоторым позволялось даже вводить в предания и литературу Премудрости прошлого новый материал. Это приводит нас к важной теме: истории писания. Сейчас мы склонны воспринимать канон писания как жесткий и закрытый, а

³² William A. Graham, *Beyond the Written Word*, 60.

³³ Carr, *Tablet of the Heart*, 8, 6–11.

³⁴ Там же, 31.

³⁵ Harris, 12–20.

³⁶ Carr, *Tablet of the Heart*, 11.

³⁷ Там же, 32.

составляющие его тексты – как неприкосновенные; однако во всех культурах писания постоянно изменялись, отвечая новым условиям и потребностям. Несомненно, верно это и для Древней Месопотамии. Исключительно одаренному писцу позволялось – от него даже требовалось – импровизировать; это позволило культуре Междуречья пережить изначальные шумерские династии и стать основой для культур Аккадского и Вавилонского царств. Так, «Энума Элиш», древний шумерский гимн о творении, царь Хаммурапи переделал так, что кульминацией его стало основание Вавилона. Позднее писцы создали еще одну версию этого гимна, сделав кульминацией основание Аккада, столицы Саргона. Тогда же в эпос о Гильгамеше добавили новый материал, превративший его в аккадский текст, и сложили на основе древних шумерских гимнов новый аккадский эпос, прославляющий деяния Саргона. Писцы не просто «цитировали» более ранние произведения, они не занимались «копипейстом». Эти тексты, прочно заученные, становились конструктивными элементами их мыслительного процесса; подобно джазистам, они импровизировали на основе материала, включенного в саму их личность – и создавали новые тексты, обращавшиеся прямо к настоящему³⁸.

В Египте особое значение имели тексты, прославляющие Маат. И здесь цель была в том, чтобы создать устойчивое общество, научив правящий класс не преследовать свои интересы за счет чужих. Египетская Премудрость связывала успех в жизни с добродетельным поведением, а наказания – с прегрешениями. Как и в Междуречье, обучение элиты включало в себя запоминание и воспроизведение текстов: по-видимому, их клали на музыку и пели или декламировали нараспев. Писцы постоянно призывали своих учеников «слушать» эти изящные изречения, принимать их «в сердце свое» и впитывать всем своим существом. «Наставления Аменемопе», воспроизведенные в Еврейской Библии, помогают нам ощутить дух этих устных поучений, неустанно восхваляющих Маат:

Приклони ухо твое, и слушай слова мудрых,
и сердце твое обрати к моему знанию;
потому что утешительно будет,
если ты будешь хранить их в сердце твоём,
и они будут также в устах твоих.
Чтобы упование твое было на Господа,
я учу тебя и сегодня, и ты помни...
Не будь грабителем бедного, потому что он беден,
и не притесняй несчастного у ворот,
потому что Господь вступится в дело их
и исхитит душу у грабителей их³⁹.

В XVI в. до н. э. бедуинские племена, которых египтяне называли гиксосами («вождями из чужих земель»), сумели посадить на престол в долине Нила свою династию. Со временем египтяне их изгнали; однако после этого опыта Египет, до того относительно мирная аграрная страна, сделался более воинственным. Лучшей защитой он счел нападение и расширение территорий – и начал укреплять свои границы, подчинив себе Нубию на юге и прибрежный Ханаан, будущую землю Израилеву, на севере. Правители городов-государств южного Ханаана подчинились египетским чиновникам, которые, вполне возможно, принесли хананейскому правящему классу свой культурный код. Впрочем, к середине II тысячелетия до н. э. всем Ближним Востоком владели иноземные захватчики. Вавилонскую империю захватили пришедшие с Кавказа племена касситов (ок. 1600–1155 гг. до н. э.); индоевропейская аристократия создала в Анатолии империю хеттов (1420 г. до н. э.); а начиная с 1500 г. до н. э. еще

³⁸ Там же, 32–36.

³⁹ Притч 22:17–19, 22–24.

одно индоевропейское племя, митаннийцы, начало покорять Большое Междуречье и расширяло свои владения до тех пор, пока их, в свою очередь, не завоевали хетты из региона к востоку от Тигра. Наконец ассирийцы, племя, сложившееся в этом же регионе, начали отбивать у хеттов старые митаннийские территории и постепенно стали самой могущественной на Ближнем Востоке военной и экономической силой.

Но затем, около 1200 г. до н. э., цивилизации Ближнего Востока погрузились в собственные Темные века, за время которых в Ханаане сложился новый народ, ставший известным как Израиль. Мы не знаем точно, что произошло – возможно, местные сельскохозяйственные цивилизации погубила внезапная перемена климата, – но, какова бы ни была причина, хананейский порт Угарит, а также города Мегиддо и Хацор были разрушены, а египтянам пришлось оставить города-государства на побережье Ханаана. После ухода египетских правителей хананейские города рушились один за другим; страна наводнилась странниками, что бродили в отчаянии, потеряв дома и средства к существованию⁴⁰. По мере того как разваливались города-государства, могли возникать и конфликты между аристократами и крестьянами, за счет которых существовала знать, и между различными аристократическими родами, пытающимися заполнить вакуум власти после ухода египтян.

Для нас важно, что в период этой смуты на хананейских нагорьях возникли новые поселения. До того эти бесплодные земли считались непригодными для земледелия, однако недавние технические достижения позволили селиться в таких местах и запасать там воду. У нас нет свидетельств, что обитатели нагорий были чужестранцами; материальная культура этих селений по сути та же, что и на побережье, так что археологи пришли к выводу, что там селились коренные хананеяне, бежавшие из гибнущих городов⁴¹. Один из очень немногих способов, которыми крестьяне могли улучшить свой жребий, состоял в том, чтобы стать экономическими беженцами – сняться с места и отправиться на поиски лучшей доли, когда условия на прежнем месте становились невыносимыми⁴². Возможно, политический хаос Темных веков дал хананейским крестьянам возможность совершить исход из умирающих городов и создать собственное независимое сообщество, не опасаясь возмездия аристократов. Во всяком случае, уже к 1201 г. до н. э., когда египетские правители хананейских городов-государств вынуждены были запрашивать у Египта военное подкрепление, нагорья стали домом примерно для восьмидесяти тысяч человек; к этому же времени относится первое упоминание на египетской стеле Израиля как одного из мятежных племен, побежденных фараоном Мернептахом. Библейские тексты указывают, что Израиль состоял из множества мелких групп, объединившихся для самозащиты⁴³. Те, что пришли из южных регионов Ханаана, принесли с собой своего бога Яхве; со временем их традиции заняли в Израиле господствующее положение⁴⁴. Как хананейские крестьяне, бежавшие из городов-государств под египетским управлением на берегу Средиземного моря, они с немалым основанием говорили, что «бежали из Египта».

Из Библии можно сделать вывод, что ее авторы не слишком высоко ценили аграрные города-государства. После того как Адама и Еву изгнали из Эдема, их сын Каин сделался первым земледельцем, основателем первого города – и первым убийцей⁴⁵. Пятикнижие – первые пять книг Еврейской Библии – по-видимому, были закончены лишь во II в. до н. э. Однако в их окончательной форме они возводят начало истории Израиля к 1750 г. до н. э., когда, как там говорится, Яхве приказал Аврааму, прародителю Израиля, покинуть город-государ-

⁴⁰ Finkelstein and Silberman, 89–92.

⁴¹ D. H. Hopkins.

⁴² Kautsky, *Aristocratic Empires*, 275.

⁴³ Нав 9:15; 1 Цар 27:10; 30:23; 2 Цар 21; Суд 1:16; 4:11.

⁴⁴ Cross, *Canaanite Myth*, 52.

⁴⁵ Быт 4.

ство Ур в Месопотамии и обосноваться в Ханаане, где он сам, его сын Исаак и внук Иаков (также называемый Израилем) смогут жить свободными от аграрного империализма. Яхве обещал, что когда-нибудь их потомкам будет принадлежать вся земля Ханаанская; однако Иаков и его двенадцать сыновей, прародители двенадцати колен Израилевых, из-за голода вынуждены были мигрировать в Египет, где стали рабами. Наконец, около 1250 г. до н. э., Яхве вывел их из Египта под водительством Моисея. Фараон со своей армией преследовал уходящих израильтян; но, когда они достигли Красного моря, его воды чудесно расступились и израильтяне перешли море посуху, а все египтяне, устремившиеся за ними в погоню, утонули. Сорок лет израильтяне странствовали по пустыне, а затем на горе Синай Яхве дал им *тору* — закон, по которому им предстояло жить. Моисей умер, так и не увидев Ханаана, но его помощник Иисус Навин привел израильтян к победе: он уничтожил все хананейские города-государства и перебил их обитателей.

Однако археологические находки эту историю не подтверждают. У нас нет свидетельств разрушений и массовых убийств, описанных в книге Иисуса Навина, нет даже никаких признаков серьезного военного вторжения⁴⁶. Впрочем, рассказ писания и не претендует на точное изложение исторических фактов. Израильтяне ясно видели, что в их истории действует божественная сила. Обычно крестьяне обречены на жизнь в рабстве; но израильтяне бросили вызов этому закону — и, вопреки всякой вероятности, не только выжили, но и начали процветать. Естественно, они заключили, что такой успех следует приписать некоей сверхчеловеческой силе — *чему-то*, что избрало их для особого предназначения.

Эту священную силу, вдохновившую их на поразительный рывок к свободе, израильтяне представляли в виде личности. Пока они не были монотеистами: разделяя традиции многих своих соседей, они представляли себе Яхве как одного из «святых» или «сыновей» Эла, Верховного Божества Ханаана, и члена его божественного совета. В одном из древнейших текстов Еврейской Библии мы читаем, что в начале времен Эл назначил «святых» для каждого из семидесяти народов мира, и Яхве поручил стать «святым» Израиль:

Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих,
тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых; ибо часть
Господа народ Его, Иаков наследственный удел Его⁴⁷.

Идея небесного совета равных богов обрела смысл после падения ближневосточных империй, поскольку отражала взаимное положение небольших царств — Израиля, Эдома, Моава, Аравии и Аммана, — возникших на их месте, более или менее равносильных друг другу и соперничающих за пахотные земли. Еврейское слово «Элохим», которое обычно переводится как «Бог», выражало собой все, что могла означать для людей божественная реальность. «Святые» на Ближнем Востоке участвовали в жизни и отражали в себе сияние некоей силы, превосходящей «богов» — силы, которую невозможно было привязать ни к какой единой и ясно выраженной форме⁴⁸. Это была правополушарная догадка о священных силах, пронизывающих всю реальность, ощущение взаимосвязи всех вещей, питавшее страстную жажду справедливости, которую Израиль разделял с другими обществами этого региона. Позднее Яхве слился с Элом, однако в псалме 81 он все еще один из «сынов» Эла. Но здесь он уже начинает бунтовать: в отличие от других «сынов Эла», служащих более богатым и сильным государствам, он изображен как защитник угнетенных крестьян, обличающий на совете других богов:

Бог стал в сонме богов;
среди богов произнес суд:

⁴⁶ Finkelstein and Silberman, 103–107; Dever, 110–118.

⁴⁷ Втор 32:8–9.

⁴⁸ Mark S. Smith, *Origins of Biblical Monotheism*, 93–96.

доколе будете вы судить неправедно
и оказывать лицепрятие нечестивым?
Давайте суд бедному и сироте;
угнетенному и нищему оказывайте справедливость;
избавляйте бедного и нищего;
исторгайте его из руки нечестивых⁴⁹.

С самого начала религия Израиля была сосредоточена на состоянии общества, на заботе о слабых и нуждающихся.

Израиль и монотеистические традиции, порожденные им впоследствии, уделяют огромное внимание социальной справедливости, однако, в отличие от традиций Премудрости Египта и Месопотамии, их писания изначально противостоят аграрной экономике. Еврейская Библия включает в себя раннее законодательство, судя по всему, предназначенное для общества иного типа. Землю здесь не присваивает аристократия – она остается в собственности рода; израильтянам запрещается ссужать друг другу деньги под проценты; специально оговорена необходимость своевременной и справедливой оплаты труда, ограничено контрактное рабство, есть особые нормы по защите социально уязвимых – вдов, сирот, чужестранцев⁵⁰.

В нагорьях Ханаана *ам-Яхве* («народ Яхве»), по-видимому, сформировал конфедерацию, скрепленную заветом. По мере того как рассеивался кризис Темных веков, израильтянам пришлось бороться с соседями за пахотные земли, так что Яхве начал заимствовать боевые способности и качества у других богов этого региона, воплощающих в себе природные силы: у Ваала, бога грозы, источника дождей и, следовательно, плодородия; у Мота, бога смерти, пустыни и бесплодия; у Ям-Нахара, олицетворяющего первобытное море, грозящее затопить обитаемые земли⁵¹. Но, в отличие от Ваала, Яхве не стеснялся напрямую вмешиваться в человеческие дела. Некоторые древнейшие библейские тексты рассказывают, как он покидал свое святилище на Синае и шел через южный Ханаан, чтобы помочь народу своему в нагорьях:

Господь пришел от Синая, открылся им от Сеира, воссиял от горы
Фарана и шел со тьмами святых; одесную Его огонь закона⁵².

Такие стихи, воспеваемые на праздниках *ам-Яхве*, возможно, отражали в себе ранний опыт Израиля – воспоминания о том, как израильтяне шли навстречу своей судьбе, побуждаемые к борьбе за независимость некоей мощной, более-чем-человеческой силой⁵³.

Древний военный гимн рассказывает, как Яхве утопил преследователей-египтян в Красном море. Враги мчались за своими непокорными рабами, готовые истребить всех до единого – но Яхве просто простер руку и спас народ свой:

От дуновения Твоего расступились воды,
влага стала, как стена,
огустели пучины в сердце моря...
Ты дунул духом Твоим, и покрыло их море:
они погрузились, как свинец, в великих водах⁵⁴.

А затем, продолжает гимн, Яхве привел народ свой к безопасности, пока иные народы, пораженные, смотрели на это:

---

⁴⁹ Пс 81:1–4 (в Син. пер.).

⁵⁰ Лев 23:23–28, 33–53; Втор 24:19–22; Gottwald, *Hebrew Bible*, 162.

⁵¹ Пс 88:10–13; 92:1–4; Иов 7:12; 9:8; 26:12; 40:15–24.

⁵² Втор 33:2; ср. Исх 15:1–8, Ав 3:3–15.

⁵³ Cross, *From Epic to Canon*, 24–40.

⁵⁴ Исх 15:8, 10.

Да нападет на них страх и ужас;
от величия мышцы Твоей да онемеют они, как камень,
доколе проходит народ Твой, Господи,
доколе проходит сей народ, который Ты приобрел.
Введи его и насади его на горе достояния Твоего,
на месте, которое Ты сделал жилищем Себе, Господи,
во святилище, которое создали руки Твои, Владыка!
Господь будет царствовать вовеки и в вечность⁵⁵.

Отвергнув имперское правление Египта с его фараонами и приняв Яхве как своего царя, израильтяне опрокинули фундаментальную структуру аграрной эпохи. Неудивительно, что соседи их трепетали в страхе перед Израилем; само то, что орды беглых крепостных сумели построить в горах независимое государство в то время, как вокруг рушились мощные ближневосточные империи, переворачивало вверх дном все их представления о мире. Однако эти уstraшенные соседи, о которых гимн говорит, что они «смутились, уныли, объял их трепет» – не египтяне. Скорее всего, это жители соседних стран – Ханаана, Филистии, Эдома и Моава⁵⁶.

В этой истории исхода из одной части Ханаана в другую мы находим зародыш мощного мифа, которому предстояло стать сердцевинной Еврейской Библии. Но в те далекие дни Исход еще не стал национальным мифом Израиля, и Песнь Чермного моря, возможно, исполнялась лишь в тех горных святилищах на севере, где Моисей почитался как великий израильский герой⁵⁷. Ради борьбы за ресурсы *ам-Яхве*, сборищу разнообразных племен и народов, требовалось стать нацией – и для этого необходима была общая история, связывающая их вместе. Изначально, быть может, каждое из этих племен лелеяло лишь рассказы о собственных предках – тех, которые со временем начнут почитаться во всем Израиле. Но это была не история – по крайней мере, не история в привычном нам смысле. До изобретения современных научных методов датировки, а также археологических и лингвистических исследований события прошлого невозможно было фиксировать и восстанавливать с той точностью, которую мы сейчас принимаем как само собой разумеющееся – да никто и не пытался это делать. Вместо попыток точно воспроизвести факты «история» описывала значение событий.

Народ Яхве, слившегося с Элом, вспоминал и отмечал важнейшие события своей истории, произошедшие в разных частях Ханаанских нагорий, в ритуалах, которые привязывали народ к новому месту обитания и освящали его. Эл, по-видимому, воспринимался как священная сила, в различных случаях и обстоятельствах проявлявшая себя по-разному. Некоторые племена в горах на севере почитали Иакова. Рассказывали, что в Вефиле Иакову приснился величественный сон – огромная лестница, соединяющая небеса и землю; и, пробудившись, он воскликнул: «Истинно Господь присутствует на месте сем!»⁵⁸. К этому моменту Эл мог уже иногда являться и в виде человека. В Пенуэле близ Иавока Иаков всю ночь боролся с неким таинственным незнакомцем, и лишь позже понял, что сумел каким-то образом увидеть «лик Бога» (пени-Эл). По этому случаю Иаков и получил прозвище *Изра-Эл* («борющийся с Богом»), затем перешедшее ко всем племенам северного Ханаана⁵⁹. Еще один северный герой – любимый сын Иакова Иосиф, гробница которого находилась в Сихеме. Но племена, обитавшие в южных горах, вблизи города-государства Иерусалима, находившегося под властью хеттов, почитали Авраама, жившего в Мамре и погребенного в Хевроне. Эти культы не соперни-

⁵⁵ Исх 15:16–18.

⁵⁶ Исх 15:14–15.

⁵⁷ Cross, *From Epic to Canon*, 47.

⁵⁸ Быт 28:10–19.

⁵⁹ Быт 32:23–32.

чали друг с другом; в дальнейшем они, как мы увидим, слились в единую историю, связующую союз племен.

Но ближе к концу XI в. до н. э. союз уже не мог защитить свои поселения от мощных войск филистимлян – индоевропейского народа, возможно, из бассейна Эгейского моря, который обосновался в южном Ханаане во время кризиса бронзового века около 1175 г. до н. э. Филистимляне основали пять соперничающих друг с другом городов-государств – Газу, Ашкелон, Ашдод, Экрон и Гат – и стремились к дальнейшим завоеваниям. Перед лицом этой военной угрозы израильтяне неохотно отказались от своего исключительного статуса и создали царство. Давид – по преданию, обезглавивший филистимлянского богатыря Голиафа – остался в памяти Израиля как идеальный царь, не в последнюю очередь потому, что освободил из-под власти хеттов-иевусеев древний город Иерусалим и сделал его столицей своего царства, объединившего племена севера и юга в единой политике⁶⁰. Сын его Соломон, как рассказывали, создал уже типичную империю: у него была армия на колесницах, он заключал военные союзы с соседними царями и не только обкладывал своих подданных-израильтян налогами, но и принуждал к участию в масштабных строительных работах. Самым прославленным его проектом стал храм, построенный в Иерусалиме по принятым в этой части света образцам; на храмовые ритуалы оказал большое влияние культ Ваала в соседнем Угарите⁶¹.

Так, по иронии судьбы, Яхве, когда-то защитник бесприютных, всеми презираемых крестьян, сделался покровителем еще одного аграрного государства, жестоко угнетающего бедных. Некоторые ученые утверждают, что империи Соломона никогда не существовало, поскольку от нее не осталось археологических следов; однако среди исследователей существует общее согласие, что около 1000 г. до н. э. сельская культура нагорий быстро развивалась и превращалась в «протогородское» общество – более централизованное, расширяющее свои границы и участвующее в международной торговле⁶². Новой аристократии Израиля предстояло, по образцу других народов, выделить из себя класс писцов и создать систему образования, погружающую молодежь из израильской элиты в культуру и этос сообщества. По-видимому, эти писцы и создали первый официальный канон Израиля – резко отличный от Библии, какой мы знаем ее сейчас.

О школах писцов во времена Давида и Соломона нам почти ничего не известно, однако позднейшая культура книжников в Израиле – запечатленная в библейских книгах Премудрости – очень похожа на ту, что мы встречаем в других имперских системах этого региона. Придворный штат Давида включал в себя «писца»⁶³. По-видимому, это был наследственный пост: сыновья этого писца стали писцами у Соломона⁶⁴. Подобно царям Шумера и Египта, сам Соломон считался величайшим из мудрецов; ему приписывались изречения, вошедшие в книги Премудрости:

Приклони ухо твое, и слушай слова мудрых,
и сердце твое обрати к моему знанию;
потому что утешительно будет, если ты будешь хранить их в сердце
твоем,
и они будут также в устах твоих.
Чтобы упование твое было на Господа,
я учу тебя и сегодня, и ты помни⁶⁵.

⁶⁰ Gottwald, *Politics of Ancient Israel*, 177–179.

⁶¹ 3 Цар 7:15–26.

⁶² Dever, 267–269.

⁶³ 2 Цар 8:17; 20:25; 3 Цар 4:3.

⁶⁴ 3 Цар 4:3.

⁶⁵ Притч 22:17–19; см. также Carr, *Tablet of the Heart*, 126.

Наставления пока оставались устными – от ученика требовалось «приклонить ухо» – и, как и везде в Древнем мире, Премудрость должна была укорениться в «*leb*» ученика (это слово означает и «ум», и «сердце») благодаря неустанному повторению. Как подспорье для памяти, эти максимы можно было класть на музыку, самое «физическое» из искусств; их пели или декламировали нараспев – и священные слова звучали не только в умах, но и в телах учеников, их впитывали почти телесно, «чревом». Другие изречения призывают ученика иметь «сердце, наклонное к размышлению» и «ухо, внимательное к мудрости», и записать речения Премудрости Соломона «на скрижали сердца своего»⁶⁶. Короткие и ритмичные афоризмы из Книги Притч в Еврейской Библии построены так, чтобы облегчить запоминание. Как и в Месопотамии, и в Египте, частью учебного процесса были розги⁶⁷. Один ученик оплакивает свое унижение перед всем сообществом писцов:

Зачем я ненавидал наставление,
и сердце мое пренебрегало обличением,
и я не слушал голоса учителей моих,
не приклонял уха моего к наставникам моим:
едва не впал я во всякое зло среди собрания и общества!⁶⁸

Постоянное использование в Притчах слов «отец» и «сын» показывает, что и в Израиле такие школы создавались на семейной основе. Учитель стремился воспроизвести в ученике самого себя, передать ему отличительные добродетели писца или добропорядочного аристократа: страх перед Яхве, воздержанность в речах и уважение к власти имущим⁶⁹.

Некоторые части Книги Притч почти наверняка входили в «образовательную программу» израильской элиты. В школах писцов в Древнем мире регулярно использовались песни и гимны; в некоторых еврейских псалмах мы встречаем акrostихи или строки, первые буквы которых расположены в алфавитном порядке – еще одно средство для облегчения запоминания. Например, царские псалмы времен Давидовой монархии призваны были внушать почтение к царю. Во время венчания на царство провозглашалось, что Яхве сделал нового царя членом Божественного Совета, посадил его на почетное место и обещал покорить «под ноги» его всех его врагов:

Сказал Господь Господу моему:
седи одесную Меня,
доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих⁷⁰.

В ближневосточных монархиях цари возвышались до статуса богов, так что и здесь Яхве формально усыновляет царя: «Ты сын Мой, Я ныне родил тебя»⁷¹. Возможно, включалась в круг «образовательной программы» и Песнь моря, описывающая триумфальный переход Израиля через реку Иордан, и еще одна древняя песнь, о которой мы уже упоминали – та, где Эл назначает Яхве богом-покровителем Израиля. Слово «тора», которое часто переводят как «закон», буквально означает «учение» – наставление, которое необходимо сложить в сердце своем, повторять как «напоминание» (*зиккарон*) и передавать «в уши» следующим поколениям⁷².

⁶⁶ Притч 2:2; Пс 77:1; 3 Цар 3:9; Притч 3:3, ср. 6:21.

⁶⁷ Притч 13:24; 22:15; 26:3; 29:17.

⁶⁸ Притч 5:12–14.

⁶⁹ Carr, *Tablet of the Heart*, 127–131.

⁷⁰ Пс 109:1.

⁷¹ Пс 2:7.

⁷² Втор 31:19–22; 32:1.

О составе ранней «образовательной программы» для израильской элиты мы можем только гадать; однако все израильтяне знали, что на горе Синай Яхве вручил народу своему письменную *тору*. Вначале он преподавал Моисею устные наставления, а затем, «когда Бог перестал говорить с Моисеем на горе Синай, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим», столь напоенные божественной силой, что с тех пор они сделались вечным свидетельством присутствия Священного⁷³. Для необразованных людей письмо обладало таинственной силой, и слова «так написано» указывали на божественный авторитет изречения⁷⁴. Письменность, как мы уже видели, была, вполне возможно, изобретена для бухгалтерских целей; и, согласно народной вере, Яхве держал у себя на Небесах «книгу» (сефер) или, точнее, «свиток», куда – точь-в-точь как писцы – записывал судьбу каждого человека и вел реестр всех его дел⁷⁵.

Но дальше произошел странный поворот. Яхве призвал Израиль «из Египта», поскольку был защитником угнетенного крестьянского класса. Однако его писания были призваны сформировать аристократию и сословие писцов, полностью преданные той самой царской тирании, от которой Израиль пытался бежать. Ранние стихи и песни прославляют исход *ам-Яхве* прочь от угнетения – а вот изречения Книг Премудрости указывают на существование наследственного правящего класса. Но интенсивность тогдашней методики обучения подсказывает нам: писание – все писание – нельзя читать поверхностно, торопливо скользя глазами по странице. Его смысл необходимо каким-то образом переварить, «надписать» на сердце и разуме, впитать глубинами своего существа.

После смерти царя Соломона около 928 г. до н. э. северные и южные племена Израиля решили пойти разными путями и основали независимые царства. Как и другие небольшие ближневосточные государства, они могли бы развиваться независимо, пока в регионе не появилась бы новая имперская сила. Но очень скоро вновь явились ассирийцы, военной силой принуждавшие местных царей стать их вассалами. Это могло принести израильтянам выгоду: когда израильский царь Иеровоам (царст. 786–746 гг. до н. э.) стал доверенным союзником Ассирии, его царство пережило экономический расцвет. Во всяком случае, Северное царство Израиль, расположенное ближе к крупным торговым путям, было крупнее и богаче Южного царства Иудеи, изолированного, состоящего в основном из неплодородных степей и гор и, таким образом, почти лишенного ресурсов. Впрочем, выгода положения Иудеи состояла в том, что более крупные державы почти сто лет ее не замечали.

Как мы уже знаем, некоторые северные племена всегда считали исход из «Египта» поворотным моментом истории Израиля; но после создания монархии Давида южные племена, чьим героем прежде был Авраам, сосредоточились на завете, заключенном Яхве с царем Давидом, и святым местом для них стал бывший хеттский город Иерусалим:

И Я устрою место для народа Моего, для Израиля, и укореню его, и будет он спокойно жить на месте своем, и не будет тревожиться больше, и люди нечестивые не станут более теснить его, как прежде, с того времени, как Я поставил судей над народом Моим, Израилем; и Я успокою тебя от всех врагов твоих. И Господь возвещает тебе, что Он устроит тебе дом⁷⁶.

На Ближнем Востоке сакральным местом всегда был храм, и культ Яхве в Иерусалиме воспринял некоторые черты отправлявшегося здесь прежде культа Ваала. После того как Ваал уничтожил своих космических врагов, Мота и Ям-Нахара, Эл позволил ему возвести роскошный дворец близ горы Цафон в Угаритском царстве. Ваал назвал Цафон «местом святым, горой

⁷³ Исх 31:18; 32:16.

⁷⁴ Niditch, 79–80.

⁷⁵ Ис 4:3; Втор 12:1; Исх 32:32; Пс 68:28–29; 139:6.

⁷⁶ 2 Цар 7:10–11.

наследия моего... местом избранным... холмом победы»⁷⁷. Цафон должен был стать земным раем мира, плодородия и гармонии⁷⁸. Вступая в свой храм, жители Угарита чувствовали, что снова входят в единение со священными ритмами жизни, заглушенными шумом повседневности. Во время осеннего праздника, знаменующего начало Нового года, победы Ваала ритуально воспроизводились в храме, чтобы на страну пролился животворящий дождь, и Ваал спас город от сил беззакония и разрушения. Иерусалимский культ Яхве в Соломоновом храме зеркально отражал угаритский культ: здесь псалмы воспевали воцарение Яхве на горе Сион⁷⁹ и рассказывали, что Яхве сделал Иерусалим городом мира, или *шалом* — слово, означающее также целостность, гармонию и безопасность⁸⁰. Некоторые псалмы утверждали даже, что Иерусалим никогда не падет, ибо Яхве, божественный воин — твердыня народа своего; они призывали паломников восхититься неприступными укреплениями Иерусалима, свидетельствующими, что «здесь Бог»⁸¹. Но где было Яхве устоять против Ашура, бога-покровителя Ассирии?

Ассирийская имперская политика ставила себе целью объединить «разноречивые» народы в нацию «одного языка». Как объявлял царь Саргон (царст. 722–705 гг. до н. э.):

Народы четырех стран света, чужих языков и различной речи, обитатели гор и долин — всех, водимых светом богов, я, повелитель всего, собрал под водительство моего господина Ашура, под могущество моего скипетра. Я сделал их народом одних уст и поселил их в стране своей⁸².

При ассирийской власти письменность приобрела новое значение. Новые хозяева рассылали для управления вассальными государствами писцов и надсмотрщиков, однако вместо того, чтобы использовать в качестве имперского языка свой родной, аккадский, выбрали арамейский, поскольку алфавитное письмо освоить было проще, чем сложную клинопись. В результате искусство письма перешло от ассирийской бюрократии к другим социальным группам⁸³. Однако ошибочно было бы полагать, что грамотность широко распространилась среди населения, или что умножение письменных текстов заменило собой устную передачу преданий. Можно услышать, что цари Израиля и Иудеи завели у себя архивы и библиотеки, но никаких свидетельств этого не сохранилось — хотя, конечно, во дворцах могли храниться отдельные свитки с повестями, псалмами или древними законами. Но старые предания по-прежнему заучивались наизусть и передавались из уст в уста⁸⁴. Роль хранителей текстов и учителей Израиля отводилась прежде всего левитам, младшим священникам⁸⁵. Они были также музыкантами и певцами — так что тексты, по-видимому, не только декламировали наизусть, но и пели⁸⁶. Как говорится в одном из псалмов, мудрец — это тот, у кого «в законе Господа воля его, и о законе его размышляет [букв. «закон его бормочет»] он день и ночь», так что, благодаря постоянному повторению, закон укореняется в его разуме и в сердце⁸⁷.

Однако затем в Израиле был создан совершенно новый комплекс «учебных текстов». В IX в. до н. э. мы впервые слышим о появившихся в Северном царстве «пророках» и «сынах

⁷⁷ Clifford, 57–68; ср. Пс 47.

⁷⁸ Там же, 68.

⁷⁹ Clifford, *passim*; R. E. Clements, *God and Temple* (Oxford, 1965), 47; Kraus, 201–204.

⁸⁰ Пс 71:7.

⁸¹ Пс 45:6–11; 47:13–14.

⁸² Цилиндр из Дур-Шаррукина, в пер. Schniedewind, 65.

⁸³ Там же, 65–66.

⁸⁴ Niditch, 339–377.

⁸⁵ Втор 17:9–12; 31:2–13; Чис 5:23; Ос 4:6.

⁸⁶ 1 Пар 25:2–6; 2 Пар 5:12.

⁸⁷ Пс 1:2; Carr, *Tablet of the Heart*, 152–153.

пророческих» – хотя пока почти ничего о них не знаем⁸⁸. Институт пророчества на Ближнем Востоке был хорошо известен. От Ханаана до Мари в среднем течении Евфрата пророки «вещали» от имени богов; и в Израиле, и в Иудее они обычно состояли при царском дворе. Однако в течение VIII в. до н. э. пророки в Иудее начали создавать «школы», в которых преподавали ученикам некую «антисистемную» литературу, глубоко критичную по отношению к официальной традиции Премудрости. Исаия, например, заявлял, что все эти стихи и изречения иностранного происхождения – лишь «заповеди человеческие»⁸⁹. Иудейские пророки утверждали: поскольку современники к ним не прислушиваются, Яхве приказывает им записывать свои учения для блага будущих поколений⁹⁰. По-видимому, ученики в самом деле записывали речения пророков, и некоторые из этих текстов затем были включены в аристократический круг чтения, найдя себе место в Еврейской Библии. Для Ближнего Востока ситуация очень необычная: вероятно, предостережения пророков использовались для того, чтобы научить молодежь понимать уроки истории. Юные аристократы учились избегать ошибок прошлого, чтобы создавать более успешное будущее⁹¹.

Однако первый пророк, речения которого сохранились таким образом, не имел отношения к пророческим школам. «Я не пророк и не сын пророка», – утверждал он⁹². Амос был пастухом из Фекои в Иудейском царстве; около 780 года он услышал приказ Яхве оставить свое стадо и идти пророчествовать в царство Израильское, где царь Иеровоам II, любимый вассал ассирийского царя, правил процветающим – и, следовательно, полным социального неравенства – аграрным государством. Недавно Иеровоам покорил новые территории на другом берегу Иордана и теперь начал масштабные строительные проекты, привлечшие в Мегиддо, Хацор и Гезер орды рабочих; он создал сложную бюрократию и профессиональную армию⁹³. Как мы уже видели, в самом начале истории Израиля Яхве выступал на стороне жертв аграрного угнетения. И теперь устами Амоса он призвал народ свой вернуться к своей изначальной миссии – защищать справедливость. Он обещал покарать самарянскую знать, которая живет в домах из черного дерева, спит на ложах из слоновой кости и пренебрегает бедняками:

Так говорит Господь: за три преступления Израиля и за четыре не пощажу его, потому что продают правого за серебро и бедного – за пару сандалий. Жаждают, чтобы прах земной был на голове бедных, и путь кротких извращают...⁹⁴

Ритуалы Амос презирал; по его словам, Яхве устал слушать монотонное пение священников и благочестивое бречание их арф. Истинная религия существует не для того, чтобы удовлетворять эстетические аппетиты правящего класса: ее дело – вызывать к деятельному состраданию. Яхве желает, чтобы «справедливость текла, как вода и правда – как бурный поток!»⁹⁵. Скоро, предупреждал Амос самарян, враг вторгнется на их землю и разграбит их дворцы, и врагом этим окажется не кто иной, как их нынешние добрые друзья – ассирийцы. Яхве, божественный воин, выведший *ам-Яхве* «из Египта», возвращается на тропу войны. Он поразит царства Дамаска, Филистии, Тира, Моава и Аммона – все они виновны в военных преступлениях и насилии над справедливостью – и на этот раз будет сражаться не на стороне Израиля. Напротив, он поведет священную войну *против* Израиля и Иудеи, используя Ассирию

⁸⁸ 4 Цар 2:1–18; 4:38.

⁸⁹ Ис 29:13–14.

⁹⁰ Ис 8:16; 30:8; Иер 36:1–3; Ав 2:2–3.

⁹¹ Carr, *Tablet of the Heart*, 143–144.

⁹² Ам 7:14.

⁹³ Finkelstein and Silberman, 206–212.

⁹⁴ Ам 2:6–7.

⁹⁵ Ам 5:21–24.

как свое излюбленное орудие⁹⁶. Иеровоам, пренебрегающий своим священным долгом перед бедняками, будет убит, его царство уничтожено, а народ «непременно будет выведен из земли своей»⁹⁷.

Это пророчество было записано, и следующие поколения внимали ему со страхом и трепетом, ибо примерно через шестьдесят лет после того, как Амос изрек эти слова, царство Израильское – столь высоко вознесшееся в его время – в самом деле было сокрушено Ассирией.

Чтобы предсказать такое развитие событий, быть может, и не требовалось божественного откровения. Пророки тех времен напоминали скорее нынешних политических обозревателей. Уже некоторое время Ассирия, расположенная на территории нынешнего северного Ирака, покоряла одно за другим царства на западе, устанавливая свою власть над равнинами, отделяющими ее от Средиземноморья, и над пролегающими там торговыми путями. Царство Израильское в нынешних, расширенных своих границах оказалось у нее на пути. Военная мощь Ассирии не знала себе равных, правители ее старательно культивировали в соседях страх и трепет жестокими репрессиями⁹⁸. Стоило Иеровоаму совершить лишь одну ошибку – и Яхве использовал Ассирию, чтобы покарать Израиль за бесстыдную жестокость к простому народу. Позднейшие поколения израильтян, обращаясь к пророческим речениям прошлого, чтобы провидеть в них будущее, создали политологию – науку, помогающую предвидеть бедствия и их избегать. Предсказания Амоса напоминали им, что погоня за материальным успехом за счет нравственности может привести к самым печальным последствиям.

Но Амос не всецело полагался на собственные политические прозрения. Он чувствовал, что его вдохновляет Бог; это вдохновение он переживал, как необоримую силу, действующую в нем: «Лев рычит: кто не устрашится? – спрашивал Амос. – Яхве говорит: кто откажется пророчествовать?»⁹⁹. Это Яхве повлек его, против его собственной воли, из Фекои в Северное царство Израиля, где он был нежеланным чужаком¹⁰⁰. Он говорил, что имел видение Яхве, стоящего «у алтаря»; однако божественное было для него и силой, ощущаемой внутри себя¹⁰¹. Это станет важной темой в истории писания: Яхве ощущался и переживался не просто как некое внешнее «Существо», но как вездесущая реальность, имманентная и человеческой душе, и природному миру, и историческим событиям. Израильтяне не были склонны к рефлексии, однако Иеремия, пророчествовавший в Иерусалиме в VI веке до н. э., красноречиво описывал невольную, даже, казалось бы, насильственную природу собственных пророческих откровений. Он настаивал: Яхве вложил божественные слова в уста его, так что эти слова стали его собственными¹⁰². Он переживал откровения как своего рода соблазн, как neodолимую силу, побуждающую его говорить, хочет он того или нет:

И подумал я: «не буду я напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его»; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог¹⁰³.

Современника Амоса Осию, единственного северного пророка, Яхве, по-видимому, призывал совершать извращенные, ненормальные поступки: «И сказал Господь Осии: иди, возьми себе жену блудницу и детей блуда; ибо сильно блудодействует земля сия, отступив от

⁹⁶ Ам 1:3; 2:3; 6:14; 2:4–16.

⁹⁷ Ам 7:17.

⁹⁸ A. Kirk Grayson, 'Assyrian Rule of Conquered Territory in Ancient Western Asia', in Jack Sasson, ed., *Civilizations of the Near East* (New York, 1995), 959–968.

⁹⁹ Ам 3:8.

¹⁰⁰ Ам 7:15.

¹⁰¹ Ам 9:1.

¹⁰² Иер 1:9.

¹⁰³ Иер 20:9.

Господа»¹⁰⁴. Так сам Осия стал воплощением того, что воспринимал как неверность царства Израильского Яхве. Как мы уже видели, жители Иудеи и Израиля пока еще не были монотеистами. Яхве был богом войны; но кто знал, много ли он понимает в сельском хозяйстве, от которого зависит экономика? Как и другие народы, израильтяне воспринимали силы природы как священные силы, и для них было естественно чествовать союз Ваала и Анат. Разве не сексуальное соитие этих двух божественных сущностей вернуло земле плодородие после того, как Мот, бог бесплодия, превратил ее в иссохшую пустыню? Игнорировать такой хорошо известный, проверенный источник блага было бы не просто неестественно – это стало бы преступной глупостью, ибо неурожай означал страшную беду для всей страны. Культ Ваала включал в себя ритуализованный секс, и когда Гомерь, жена Осии, стала священной блудницей этого культа, Осия пришел к мысли: такую же ревность, что и он сейчас, испытывает Яхве, когда народ его блудит вслед чужих богов. Свое желание вернуть Гомерь он переживал как страстную жажду Яхве добиться верности от неверного Израиля¹⁰⁵. Впрочем, современники Осии, скорее всего, по большей части воспринимали его обличение культа Ваала как эксцентричное, извращенное и даже богохульное.

Осия говорил о временах, когда народ Израиля поклонялся одному только Яхве – хотя такое вряд ли было в действительности. Впрочем, он проповедовал не столько монотеизм, сколько монолатрию: другие боги, вполне возможно, существуют, но в Израиле следует поклоняться лишь одному богу – Яхве. Осия описывал Яхве как безжалостного монарха, который, подобно ассирийским царям, готов беспощадно сокрушить непокорного союзника:

Опустошена будет Самария, потому что восстала против Бога своего;
от меча падут они; младенцы их будут разбиты, и беременные их будут
рассечены¹⁰⁶.

И снова: позднейшие поколения читали эти пророчества, вспоминали, что Ассирия действительно razорила Израиль – и некоторые начинали считать культовую неверность Яхве политически опасной.

Бога Осия рисует самыми отвратительными красками. Писания часто отражают современный им уровень жестокости и насилия; Ассирия удерживала власть в регионе при помощи именно таких зверств, которые Осия, как нечто само собой разумеющееся, приписывает Яхве. Восставшие вассалы неизбежно сталкивались с самым жестоким военным подавлением; их принуждали платить тяжелую дань и проходить торжественную церемонию заключения завета, во время которой они клялись служить одной лишь Ассирии. Ассирийцы настаивали на том, чтобы все, как аристократы, так и простолюдины, выражали «лояльность» (*hesed*) ассирийскому царю. «*Hesed*» часто переводится как «любовь», но более точный перевод – «лояльность». От вассалов требовалась не нежная привязанность к их жестокому повелителю, а всего лишь отказ от всяких союзов с иностранными государствами – соперниками империи¹⁰⁷. Пророчества Осии редактировались уже после 722 г. до н. э., когда Израиль был razгромлен Ассирией. Редакторы уже знали, что Израиль вступал в мятежные союзы против Ассирии и в отместку за это ассирийские войска безжалостно вырезали мужчин, женщин и детей. Позднейшие поколения заключили из этого, что, вступая в союзы с иными богами, также могут заплатить за это самую суровую цену, – ведь Яхве предупреждал Осию, что нет смысла умилять его старинными ритуалами жертвоприношений: «Лояльности [*hesed*] хочу я, а не жертвы»¹⁰⁸. Возможно, именно Осия первым ввел идею завета между Богом и Израилем; хотя

¹⁰⁴ Ос 1:2; Abraham Heschel, *The Prophets*, 2 vols. (New York, 1962), I, 52–57.

¹⁰⁵ Ос 3:1–5.

¹⁰⁶ Ос 14:1.

¹⁰⁷ Carr, *Holy Resilience*, 25.

¹⁰⁸ Ос 6:6 (исправление перевода мое. – Прим. пер.).

эта концепция выражена в сюжетах, относящихся к гораздо более древним временам, мы не знаем, когда и как эти повествования приобрели свою окончательную форму¹⁰⁹.

Далее мы увидим, что пророки Иудеи отвечали на политическую опасность по-другому. Встретившись с угрозой от соседней державы, они никогда не упоминали исход Израиля «из Египта». Вместо этого они полагались на завет Бога с Давидом. Но Осия опирается на историю Иакова, северного героя, от которого Израиль получил свое имя, о котором рассказывали, что он «боролся с Богом» в Вефиле. Иаков предал своего брата Исава – как Израиль ныне предаёт Яхве, – и, чтобы вернуть милость Яхве, Израиль, подобно Иакову, должен вступить в битву с Яхве и с самим собой:

Еще во чреве матери запинал он брата своего, а возмужав – боролся с Богом. Он боролся с Ангелом – и превозмог; плакал и умолял Его; в Вефиле Он нашел нас и там говорил с нами. А Господь есть Бог Саваоф; Сущий – имя Его¹¹⁰.

Осия также опирался на воспоминания об Исходе, когда Яхве вывел Израиль «из Египта» и жил вместе со своим народом-младенцем в пустыне – во времена близости и невинности¹¹¹. Здесь перед нами древнейшее библейское упоминание о «годах в пустыне», последовавших за Исходом, когда Израиль бежал от имперского правления и под водительством Яхве скрылся вдали от цивилизации:

Узами человеческими влек Я их, узами любви, и был для них как бы поднимающий ярмо с челюстей их, и ласково подкладывал пищу им¹¹².

Но Израиль начал приносить жертвы Ваалу – и, следовательно, обречен был вновь пасть жертвой имперской власти: «...не возвратится он в Египет, но Ассур – он будет царем его»¹¹³.

В 745 г. до н. э. Тиглатпаласар III упразднил систему вассалитета и напрямую включил все вассальные государства в Ассирийскую империю. При малейшем намеке на недовольство он депортировал весь правящий класс мятежного народа и заменял его людьми из других частей империи. Таков был политический контекст видения южного пророка Исаии¹¹⁴. Исаия был из царского рода, возможно, священником. Ни он, ни Михей, современный ему пророк, также с юга, ни словом не упоминают об Исходе: вместо этого Исаия вдохновлялся культом Иерусалима, Града Давидова. Исаия ожидал дня, когда «все народы» стекутся поклониться Яхве в храм на горе Сион, воспроизводящий Эдемский сад. Тогда состоится возвращение к первозданному раю, где все создания будут жить в гармонии друг с другом – волк со львом, пантера с ягненком¹¹⁵.

До сих пор ассирийская угроза не затрагивала Иудейское царство; однако оно оказалось вовлечено в борьбу, когда иудейский царь Ахаз (царст. 736–716 гг. до н. э.) отказался присоединиться к антиассирийской коалиции Дамаска и Израиля, чьи объединенные войска скоро двинулись на юг, чтобы осадить Иерусалим. Убежденный, что Иерусалим, Град Яхве, неприступен, Исаия убеждал Ахаза стоять твердо. И сам Яхве подал Ахазу знак. Царица его забеременела – и сын ее должен был восстановить славу Дома Давидова: «Молодица [*альма*] во чреве примет и родит сына, и нарекут ему имя Имману-Эл [с нами Бог]»¹¹⁶. Но прежде чем дитя

¹⁰⁹ Carr, *Holy Resilience*, 25, 35–36.

¹¹⁰ Ос 12:3–5.

¹¹¹ Ос 12:13.

¹¹² Ос 11:4.

¹¹³ Ос 11:5.

¹¹⁴ Ис 6.

¹¹⁵ Ис 2:2–3.

¹¹⁶ Ис 7:14; Септуагинта, греческий перевод Еврейской Библии, передает «*альма*» как «*партенос*» (дева).

войдет в сознательный возраст, царства Израильское и Дамасское будут уничтожены, так что Ахазу придется возложить все надежды на одного Яхве. Однако, к негодованию Исаии, Ахаз предпочел сдаться ассирийскому царю, который вскоре вторгся в пределы Израиля и Дамаска и переселил множество их жителей в иные земли. К 733 г. до н. э. процветающее когда-то царство Израильское сократилось до города-государства с царем-марионеткой на престоле. В знак покорности новому властелину Ахаз заменил Алтарь жертвоприношений во дворе Соломонова храма новым алтарем в ассирийском стиле.

Исаия оплакивал этот недостаток веры в гарантированную Богом безопасность Иерусалима. Но настаивал: падение Израиля – лишь временная неудача, и Яхве готов выполнять завет, заключенный с Давидом. Рождение царевича Езекии, которого Исаия почтил титулом «Имману-Эл» – верный знак, что Бог воистину со своим народом. Это луч надежды для павшего соседа Иудеи: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет!»¹¹⁷ Исаия представлял себе, как Божественный Совет воспекает радостную песнь по случаю рождения царевича:

Ибо младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах Его¹¹⁸.

В день восшествия на престол Езекия станет членом этого Небесного Совета, приняв традиционные титулы царя Иудейского: «Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира»¹¹⁹. К несчастью, этот Князь мира, в 716 г. до н. э. став наконец царем Иудеи, привел свое царство на край гибели. В 722 г. до н. э. Самария, последняя оставшаяся твердыня жестоко опустошенного Израильского царства, после неудачного восстания была стерта с лица земли ассирийским монархом Салманасаром III. Более двадцати семи тысяч израильтян переселили в Ассирию – и о них никто больше не слышал. Их заменили колонистами, собранными со всей Ассирийской империи, которые поклонялись Яхве, местному богу, наряду с собственными божествами. Некоторые израильтяне, оставшиеся на родине, пытались восстановить свою разрушенную страну; другие же бежали на юг, в Иудею, и принесли с собой северные традиции.

Поначалу Езекия старался дистанцироваться от синкретической политики своего отца и, возможно, впечатленный уверениями Исаии в неприступности Иерусалима, во время смуты, начавшейся в 705 г. до н. э. после смерти Салманасара, присоединился к коалиции мятежных царей. Но Сеннахериб, следующий ассирийский монарх, подавив беспорядки, немедленно выступил против Иудеи. Исаия по-прежнему настаивал, что Яхве сокрушит Сеннахериба и установит царство мира. И действительно: вопреки всякой вероятности, по неизвестным для нас причинам Сеннахериб снял осаду Иерусалима – но не прежде, чем разграбил сорок шесть окрестных селений и опустошил всю страну, превратив Иудею в крошечный город-государство. Сын Езекии Манассия, взойшедший на трон в 698 г. до н. э., мудро повел политику интеграции: он ставил алтари Ваалу, восстанавливал сельские святилища разным божествам, установил в храме изображение Богини-Матери Ашеры, а в храмовом дворе выстроил дом священной проституции¹²⁰. Позднейшие библейские авторы такую политику осуждали, однако долгое правление Манассии дало Иудее время восстановиться, и к моменту своей смерти в 642 г. до н. э. он даже сумел вернуть некоторые потерянные территории. Культовые реформы Манассии беспокоили очень немногих его подданных; по данным археологических раскопок, многие из них держали такие же «резные изображения» богов у себя в домах¹²¹. Однако в сельской местности нарастало недовольство – и после смерти Манассии привело к дворцовому

¹¹⁷ Ис 9:2.

¹¹⁸ Ис 9:6.

¹¹⁹ Ис 9:6.

¹²⁰ 4 Цар 21:1–18; 2 Пар 33:1–10.

¹²¹ Ahlström, 734.

перевороту; Амона, сына Манассии, сместили, и на его место посадили внука, восьмилетнего Иосию.

К этому времени северные предания, принесенные в Иудею беженцами с севера в 722 г. до н. э., имели возможность укорениться здесь и найти себе место среди преданий юга. Некоторые ученые полагают, что в VIII в. до н. э., когда на Ближнем Востоке широко распространилась грамотность, были составлены два документа: один известен современной науке как «яхвистский» (ибо его авторы называли бога Израиля «Яхве»), другой – северное писание – как «элогистский», ибо его авторы предпочитали титул «Элохим»; а в VII в. до н. э. эти два документа при помощи редакторской работы были склеены в один¹²². Однако в этой теории отражаются современные редакторские методы, которые, учитывая громоздкость тогдашних свитков, в те времена были просто невозможны. Беглецы с севера, несомненно, делились своими преданиями с жителями Иудеи – а те, пораженные страшной судьбой Израиля и тем, что сами едва избежали той же участи, охотно их слушали. Так сильное северное влияние ознаменовало собой следующую стадию развития писания.

К этому времени Ассирия клонилась к закату, а Египет был на подъеме. В 633 г. до н. э. фараон заставил ассирийские силы уйти из Леванта; две великие империи сцепились, предоставив Иудею собственной судьбе. Последовал новый национальный подъем, сопровождавшийся, быть может, излишней самоуверенностью. В 622 г. до н. э. Иосия начал восстанавливать Соломонов храм, символ былого величия Иудеи, и во время перестройки храма первосвященник Хелкия объявил, что обнаружил «свиток Торы» (*сефер Тора*), который Яхве вручил Моисею на Синае¹²³. Мы не знаем, что это был за свиток. Возможно, ранняя версия Книги Второзакония, описывающая, как Моисей незадолго до смерти диктовал народу «второй закон»; или, может быть, краткий текст северного законодательства, устанавливающего, что все израильтяне должны поклоняться богу в одном месте, на горе Геризим или горе Гевал¹²⁴. Что означает в этом контексте «тора», мы тоже понятия не имеем. Какой-то конкретный набор законов, например, Десять заповедей (которые впервые появляются во Второзаконии) – или, например, закон, предписывающий обязанности израильского монарха?¹²⁵

Свиток, похоже, было трудно расшифровать, так что Иосия попросил истолковать его пророчицу Олдаму. Та получила от Яхве прорицание, гласящее, что в свитке содержится лишь одна весть: «За то, что оставили Меня, и кадят другим богам, чтобы раздражать Меня всеми делами рук своих, воспылал гнев Мой на место сие, и не погаснет»¹²⁶. Тогда Иосия прочел свиток вслух всему народу и начал реформу. Библейский рассказ об этой реформе в Книге Царств носит на себе следы значительного северного влияния: в нем подчеркивается монолатрия Иосии, и основан он на традиции Исхода, а не на преданиях о Давиде. Иосия отменил культовые новшества Манассии, сжег изображения Ваала и Ашеры, закрыл деревенские святилища, а под конец вторгся на территорию бывшего Израиля, разрушил древние храмы Яхве в Вефиле и Самарии и истребил жрецов сельских святилищ¹²⁷.

Независимо от того, соответствует ли история о «потерянной книге» фактической истине, ясно, что она вдохновлена ужасом перед исчезновением. Древнее благочестие покинуло израильтян, а иудеям к концу VII в. до н. э., в изменившихся условиях, оно уже не помогало. Писание, как мы уже видели, рассказывает, о чем мы должны помнить – но говорит и о том, что нам следует забыть. «Чистка» святых мест севера была именно такой попыткой

¹²² Richard Eliot Friedman, 87–88.

¹²³ 4 Цар 22.

¹²⁴ Втор 27.

¹²⁵ Втор 17:14–20.

¹²⁶ 4 Цар 22:17.

¹²⁷ 4 Цар 23:4–20.

забыть, истребить и насильно стереть из памяти когда-то дорогие святыни, которые подвели и оказались бесполезными, загнать в прошлое одни традиции, чтобы выдвинуть на передний план другие – те, что, казалось, смогут лучше послужить Иудее в нынешние гибельные времена¹²⁸. Окончательная версия Книги Второзакония, составленная реформаторами, стала призывом к действию. Прежде всего она объявила вне закона все хананейские символы, такие как священные шесты (*ашера*) или «стоячие камни» (*массебот*), до того вполне приемлемые и занимавшие важное место в Соломоновом храме¹²⁹. Ради чистоты богочитания оно было строго централизовано: жертвоприношения теперь совершались только в одном святилище – в месте, где «Яхве надписал имя свое»¹³⁰. Этим местом стал Иерусалимский Храм, последняя выжившая святыня. Наконец был совершен решительный разрыв с ближневосточными традициями: царь перестал быть сакральной фигурой с божественными прерогативами – теперь он, как и все его подданные, был подвластен закону, и задача его состояла только в том, чтобы изучать и тщательно исполнять *тору*¹³¹.

У реформы были влиятельные приверженцы, в том числе пророк Иеремия, однако дальнейшие события доказали ее неудачу. И все же писания Второзакония заняли в Еврейской Библии важное место и оказали огромное влияние на будущие поколения. Эти писания не просто предписывали «единобожие». Первая из Десяти заповедей – «Да не будет у тебя чуждых богов перед лицом моим» – явно указывала на Манассию, введшего «чуждых богов» в храм, в присутствии (*ихина*) Яхве; однако эта заповедь не отрицала самого существования иных богов. Тридцать лет спустя израильтяне все еще поклонялись месопотамской богине Иштар, и храм Яхве оставался полон чужеземных идолов¹³².

Это иконоборческое богословие было настолько новым, что ради соответствия ему авторам Второзакония пришлось переписать историю Израиля и Иудеи, слив предания двух царств в единое повествование, затем составившее Книги Иисуса Навина, Судей, Царств и Паралипоменон. Эта история «доказывала», что Северное царство привело к гибели идолопоклонство. Второзаконники описывали, как Иисус Навин истреблял хананеян – жителей Земли Обетованной и разрушал их города, подобно ассирийскому полководцу. При угрозе от внешнего противника люди часто бросаются на борьбу с врагами внутренними: реформаторы пришли к убеждению, что все хананейские культы «мерзость», и объявили беспощадную охоту на всех израильтян, которые в них участвовали¹³³.

В эти смутные и бурные времена безмятежные книги Премудрости выглядели безнадежно устаревшими, так что второзаконники создали новую образовательную программу¹³⁴. Теперь молодежь должна была изучать северные предания об Иходе и Моисееву *тору* — и образование отныне становилось обязательным не только для богатых и знатных, но и для всех израильских мужчин¹³⁵. Цель по-прежнему состояла в том, чтобы записать «учение» (*тору*) на скрижалях сердец учеников, постоянным чтением вслух и повторением внушить им «*хесед*» – «любовь» или, точнее, «верность завету», о которой говорил Осия¹³⁶:

Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими.

¹²⁸ Jan Assmann, 'What is "Cultural Memory"?', in Assmann, *Religion and Cultural Memory*, 3.

¹²⁹ Bernard M. Levinson, *Deuteronomy and the Hermeneutics of Legal Innovation* (Oxford, 1997), 148–149.

¹³⁰ Втор 11:21; 12:5.

¹³¹ Втор 17:18–20.

¹³² Иер 44:15–19; Иез 8.

¹³³ Втор 7:22–26.

¹³⁴ Carr, *Tablet of the Heart*, 134–146.

¹³⁵ Втор 4:4–9, 44.

¹³⁶ Niditch, 100.

И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём; и внушай их детям твоим, и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась, и вставая; и навязи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих¹³⁷.

Во времена политической неопределённости Второзаконие требовало от жителей Иудеи стать «израильтянами»: они должны были «забыть» восхваление аграрного империализма и культ Премудрости Соломоновой и вместо этого «помнить» времена, когда были изгнанниками без государства, которых Яхве вывел «из Египта». Они должны были изучать тору день и ночь¹³⁸, полагаясь лишь на слова писания, без всякой ритуальной поддержки «резных изображений»¹³⁹.

В книге Второзакония перед самым входом в Землю Обетованную Моисей обращается к своему народу с последней речью. Он умоляет их не забывать о временах, когда они бесприютными скитальцами бродили по диким, безлюдным землям. Яхве держал их в пустыне сорок лет, «чтобы смирить вас... заставить понять, что не одним хлебом живет человек»¹⁴⁰. Не следует соблазняться молоком и мёдом хананейской цивилизации; нужно держаться в стороне от безопасной, упорядоченной жизни земледельцев, ибо не для нее они предназначены:

Когда же введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал, и будешь есть и насыщаться, тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства¹⁴¹.

Для угнетенного, маргинализованного народа память о годах, проведенных в пустыне, должна была стать формой сопротивления¹⁴². За пугающей непримиримостью Второзакония просвечивают страшные воспоминания об уничтожении царства Израиль, о массовых убийствах и жестокой депортации.

Борьба Иосии за национальную независимость подошла к трагическому концу в 609 г. до н. э., когда царь был убит в военном столкновении с фараоном Нехо. К этому времени за контроль над этим регионом боролась с Египтом новая Вавилонская империя, заменившая Ассирию. Несколько лет Иудея выживала, лавируя между двумя державами, хотя Иеремия предупреждал о тщетности и опасности такой политики. Яхве приказал Иеремии подготовить письменный текст всех своих прорицаний, чтобы будущие поколения помнили: снова и снова он настаивал, что Израиль должен покориться Вавилону¹⁴³. Иеремия диктовал свои слова писцу Варуху. Царь Иоаким, сын Иосии, приказал предать это писание огню. Иеремия надиктовал еще одну копию, а сожженный свиток стал пророческим знаменем судьбы Иерусалима¹⁴⁴. В 597 г. до н. э. Навуходоносор II, царь Вавилонский, покарал восстание в Иудее, депортировав восемь тысяч иудейских аристократов, военных и искусных ремесленников. В 586 г. до н. э., после еще одного тщетного мятежа, Навуходоносор сравнял с землей Соломонов храм. Но некоторые изгнанники последовали примеру авторов Второзакония – использовали воспо-

---

¹³⁷ Втор 6:4–9.

¹³⁸ Нав 1:8.

¹³⁹ Jan Assmann, 'What is "Cultural Memory"?', in Assmann, *Religion and Cultural Memory*, 19–20.

¹⁴⁰ Втор 8:3.

¹⁴¹ Втор 6:10–12.

¹⁴² Assmann, *Cultural Memory*, 191–193.

¹⁴³ Иер 36:29.

¹⁴⁴ Niditch, 104–105.

минания, чтобы сопротивляться уничтожению своего народа. В изгнании они нашли замену ритуалам утраченного храма в новом писании, преобразившем разрозненные устные предания их народа в единое Пятикнижие, первые пять книг Еврейской Библии. Однако теперь, в годы национального бедствия, послужившего революционному преобразению писания, оставим Израиль и обратимся к Индии.

2. Индия: звук и молчание

Около 1500 г. до н. э. небольшие группы скотоводов, покинув степи Причерноморья, двинулись на юг через Афганистан и наконец обосновались в Пенджабе на территории современного Пакистана. Эта миграция не была ни массовым движением, ни военным вторжением – скорее, постепенным, на протяжении столетий, проникновением небольших арийских племен на юг¹⁴⁵. Другие арии к этому времени уже отправились на запад, в Европу – в Грецию, Италию, Германию и Скандинавию – и принесли с собой свой язык и мифологию. Арии не были четко определенной этнической группой – скорее, свободным союзом племен, разделяющих общую культуру и язык, в наше время названный «индоевропейским», поскольку он дал начало нескольким европейским и азиатским языкам. Арийские поселенцы в Пенджабе уже говорили на ранней форме санскрита, священного языка, на котором написано одно из древнейших мировых писаний.

Приблизительно триста лет спустя жреческая элита ариев начала создавать массивную антологию гимнов на санскрите, позднее названную *Ригведой* («Знание в стихах») и ставшую самым прославленным и уважаемым текстом в огромном корпусе *Вед* («Знаний») – индийских священных писаний. Древнейшие из этих гимнов были открыты в далеком прошлом семи великим *риши* («провидцам») и с тех пор с непогрешимой точностью передавались из поколения в поколение их потомками. В семи жреческих семьях каждое поколение заучивало наизусть гимны, созданные боговдохновенным предком, а затем устно передавало их детям¹⁴⁶. И в наше время, когда древний санскрит уже практически непонятен, брамины повторяют эти гимны, не ошибаясь ни в одном ударении, ни в одном повышении или понижении тона, сопровождая каждое слово ритуально предписанными жестами рук и пальцев¹⁴⁷. Звук для ариев всегда имел священное значение – намного более важное, чем смысл этих гимнов – так что, запоминая их и читая наизусть, жрецы ощущали себя в присутствии божества.

Мысль, что звучание священного текста может быть важнее заключенных в нем истин, немедленно бросает вызов современным представлениям о «писании» – которые, как нетрудно догадаться, подразумевают именно письменный текст. Но в Индии письмо долго оставалось неизвестным, а когда появилось – около 700 г. до н. э., – было воспринято как некая грязь и порча. Один поздний ведический текст устанавливает правило: «Ученик не должен читать Веды после того, как вкушал мясо, смотрел на кровь, совокуплялся с женщиной или занимался письмом»¹⁴⁸. Подобно «идолам» в Израиле времен Иосии, письменность воспринималась как нечто унижительное и опасное для божества. Поэтому даже после явления письменности ведические гимны по-прежнему заучивались наизусть и передавались из уст в уста. В XVIII–XIX веках, когда в Индию прибыли европейцы, их поразило, что Веды, несомненно, существуют, но на письме их просто нет. На все вопросы жрецы-брамины твердо отвечали: «Веды относятся к религии; в книгах им не место»¹⁴⁹.

В наше время мы на Западе склонны воспринимать писание как Последнее Слово, канон, запечатанный на все времена, священный, неизменный и ненарушимый. Но, как мы уже видели, в мире до Нового времени писание постоянно изменялось. Древние чтили свои писа-

¹⁴⁵ Edwin Bryant, *The Quest for the Origins of Vedic Culture: The Indo-Aryan Debate* (Oxford, 2001); S. C. Kak, 'On the Chronology of Ancient India', *Indian Journal of History and Science*, 22, 3 (1987); Colin Renfrew, *Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins* (London, 1987).

¹⁴⁶ Holdrege, 229–230.

¹⁴⁷ Klostermaier, *Survey of Hinduism*, 68.

¹⁴⁸ «Аитерея Араньяка» 5.5.3, в пер. J. G. Staal, 'The Concept of Scripture in Indian Tradition', in Juergensmeyer and Barrier, eds., 122–123; Coburn, 104.

¹⁴⁹ Wilfred Cantwell Smith, *What Is Scripture?*, 139.

ния, но не превращали их в окаменелости: писания должны были отвечать на постоянно меняющиеся обстоятельства – и в процессе часто радикально преображались. Это, несомненно, верно и для Ригведы. Древнейшие собрания, известные как «Семейные книги», мы находим со Второй по Седьмую книгу ныне существующей Ригведы; книги Восьмая и Девятая составлены поэтами-жрецами другого поколения, однако имеют тот же статус, что и гимны изначальных семи *риши*; наконец, гимны Первой и Десятой книг, составленные жрецами с явственно иным мировоззрением, были включены в Ригведу еще позже¹⁵⁰. Американский ученый Брайан К. Смит описывает Ригведу как «канон особого рода... постоянно пересматриваемый и вечно неизменный»¹⁵¹.

На современный взгляд, арии были не слишком похожи на создателей священного писания; жизнь их с нашей точки зрения можно назвать какой угодно, но не благочестивой. Жили они похищением скота у соседних племен и разграблением селений коренных жителей, которых презрительно именовали *дасас* («варвары»). Ничего дурного они в этом не видели: на их взгляд, только такой образ жизни приличествовал *арья* — благородному человеку. Такой взгляд на вещи они разделяли с аристократами земледельческих цивилизаций, присваивавшими себе плоды труда крестьян¹⁵². Только сражаясь, грабя и уничтожая, арии чувствовали, что по-настоящему живут. Миротлюбивых йогов среди них не было: это были грубые пастухи-разбойники, бродяги и пьяницы, неудержимо рвущиеся на восток в поисках новых пастбищ и скота¹⁵³.

Такой этос прославляет Ригведа. Герой ее древнейших гимнов – Индра, бог войны и заклятый враг чудовищного дракона Вритры, символизирующего все, что мешало арийской миграции: имя его происходит от «ВР», индоевропейского корня, имеющего значение «преграждать, заключать, окружать». Арии представляли Вритру огромным змеем, который в начале времен так туго обвился вокруг космической горы, что преградил течение животворных источников, и земля превратилась в пустыню. Тогда Индра поразил змея своей сверкающей молнией, затем отрубил ему голову, и мир вновь стал пригоден для жизни. Этот воинственный миф прямо указывает на предназначение ариев. Они тоже чувствовали, что должны прорубать себе путь через кольцо врагов, стремящихся запереть их в одном месте, не дать двигаться вперед, лишиться скота, лошадей и пищи, необходимых для выживания. В каждом писании есть центральная тема или мотив, отражающая представления о предназначении человека. Далее мы увидим, что жажда освобождения (*мокиша*) стала центральной темой индийской мысли: Вритра был уже практически забыт, а жители Индии страстно желали вырваться из капкана краткой и тленной жизни. Противоположность *мокиша* – *амхас* («плен»), индоевропейское слово, родственное английскому *anxiety* и немецкому *Angst*, словам, означающим стеснение, тоску, тревогу, глубокое и тягостное ощущение несвободы. Следующие поколения развивали медитативные и этические техники, позволяющие вырваться из тенет жизни; древние арии прорубали себе путь на волю мечом.

Риши принимали в набегах и грабежах самое активное участие: неверно думать, что они благочестиво отсиживались в сторонке¹⁵⁴. В своих гимнах эти поэты-жрецы описывали, как врываются в битву вместе с Индрой¹⁵⁵, и уверяли, что именно их ритуальное пение придало Индре сил, чтобы разбить стены горной пещеры, где еще один демон, Вала, заточил солнце и скот, лишив землю света, тепла и пищи¹⁵⁶. В других гимнах рассказывается, как Маруты, спут-

¹⁵⁰ Carpenter, 20.

¹⁵¹ Brian K. Smith, 20–26.

¹⁵² Kautsky, *Aristocratic Empires*.

¹⁵³ Doniger, *The Hindus*, 114.

¹⁵⁴ Whitaker, 24–28.

¹⁵⁵ Ригведа (РВ) 4.22.9; 8.100.1.

¹⁵⁶ РВ 4.1.15.

ники Индры, укрепляют его силы в битве пением гимнов¹⁵⁷; эти звуки не только поддерживают Индру, но и уничтожают все препятствия на его пути¹⁵⁸. Как видим, эти стихи оказывались важнейшими элементами военного дела, скотоводческой экономики, условиями благополучия воинов и выживания народа ариев. Более поздние индийские писания развивают учение об *ахимсе* (ненасилии), однако пока что вдохновенные слова *риши*, произнесенные с правильными интонациями, несут врагам ариев неминуемую гибель.

Если бы кто-нибудь спросил ариев, происходили ли эти яростные космические битвы на самом деле, или есть ли у них доказательства существования Индры или Вритры – они не сразу поняли бы, о чем их спрашивают. Индра, Вритра и Вала принадлежат к реальности мифа – языка писания, – который обращается к первобытным временам и открывает в них постоянное, важнейшее для человеческой жизни. Для воинственных ариев Вритра и Вала не были ни фантастическими, ни историческими фигурами; они воплощали в себе постоянную реальность – смертельную, безжалостную борьбу, лежащую в основе бытия. Вритру и Валу они видели в *дасас*, окружающих их становища. Знали, что животные постоянно охотятся друг на друга в непрерывной борьбе за выживание. Страшные бури, землетрясения и засухи угрожают всему живому. Каждый вечер силы тьмы пленяют солнце – и каждое утро оно, не иначе как чудом, вновь поднимается на небеса.

Опасность постоянно угрожала и общине¹⁵⁹. Даже имена более мирных арийских богов – Митра («союз», «сплоченность»), Варуна («покрывать», «связывать») – не только сакрализовали верность, связывающую племена вместе, но и предполагали существование вездесущего врага¹⁶⁰. Сами постоянно под угрозой, арии проецировали свое неустойчивое положение на всю вселенную, где, как они верили, их боги, *дэвы*, ведут постоянную войну с *асурами* — старшими, первозданными божествами, обратившимися в демонов. В некоторых гимнах описаны злые силы, рыщущие вокруг становищ по ночам¹⁶¹. Другие посвящены постоянному присутствию в жизни голода и болезней¹⁶². По мере развития ведической мысли начинало казаться, что конечное преобразование невозможно без предшествующей угрозы и разрушения – для того, чтобы Варуна принес мир и порядок, вначале должен победить Вритра¹⁶³. Ведическая мифология рассказывала о первозданном единстве, раздробленном на множество частей; о том, как вселенная возникла из расчлененного тела бога; о том, как божественное Слово пало с небес и разбилось на множество слогов, которые теперь *риши* снова пытаются сложить вместе¹⁶⁴.

Человек, в отличие от всех остальных животных, не может принимать мир как должное. Смысл своей жизни арии искали в мифе, однако, желая улучшить свою жизнь, полагались на практический логос. Чтобы племя процветало, приходилось тщательно планировать набеги, обучаться воинскому делу и умело вести скотоводческое хозяйство. Но, как и все воины, арии говорили себе, что их военные операции призваны вернуть мир на правильный путь. Арийская мифология не конфликтовала с деятельностью, направляемой логосом – скорее, охватывала ее, подкрепляла и вдохновляла. Перед набегом жрецы пели гимн, прославляющий победы Индры, а воины, запрягая коней в боевые колесницы, выпивали – как и сам Индра перед битвой – по глотку галлюциногенного напитка *сомы*. Торжественные песнопения Ригведы придавали образу жизни, который иначе мог бы показаться жестоким, бессмысленным и ужасным, значение и достоинство.

¹⁵⁷ РВ 1.166.7; 6.66.10.

¹⁵⁸ РВ 9.111.3; 8.66.9; 2.25.24.

¹⁵⁹ Renou, *Religions of Ancient India*, 65–66.

¹⁶⁰ Там же, 19.

¹⁶¹ РВ 10.4.3–5.

¹⁶² РВ 3.7.2; 8.18.10; 8.91.5–6.

¹⁶³ Mahony, 11–13.

¹⁶⁴ РВ 10.90; 1.164.41.

И это окупалось. К X в. до н. э. арии, серьезно продвинувшись на восток, осели в Дообе между реками Ямуной и Гангом – в регионе, получившем название Арьяварта («Страна ариев»). Каждый год, с наступлением сезона дождей, военные отряды отправлялись в поход, чтобы продвинуться еще чуть дальше на восток, подчинить себе местных жителей и основать новые поселения. Чтобы освятить это постепенное продвижение, создавались новые ритуалы¹⁶⁵. Теперь героем ариев стал еще один *дэва* — Агни, бог огня, поскольку первопроходцам приходилось расчищать место для лагерей, поджигая непроходимые джунгли. *Дэвы* для ариев не были «иными» существами; они воспринимались скорее как некое сакральное измерение самого человека. Агни не только символизировал способность поселенца подчинить себе новые земли, но и являлся его альтер-эго, его лучшим, сокровеннейшим «я» («*атманом*»), также священным и божественным¹⁶⁶.

Не следует смешивать *дэва* с нашим современным западным представлением о «Боге». Слово *дэва* означает «сияющий» или «возвышенный» – эпитеты, которые можно применить к чему угодно: к гимну, чувству, реке, буре или горе – ко всему, в чем арии прозревали отсвет трансцендентного¹⁶⁷. Божественное не было заперто в собственной метафизической сфере: оно пронизывало всю реальность, так что *дэвы* воплощали в себе и силы природы, и те человеческие страсти, например, любовь или экстаз битвы, что, кажется, на мгновение переносят нас из обыденности в какое-то более насыщенное бытие. Современная западная наука отделила материальное от психологического и духовного; но для Вед, вдохновленных холистическим правополушарным видением, не было ничего чисто материального – все было напоено трансцендентным потенциалом¹⁶⁸.

Итак, Агни отождествлялся со священным огнем, составлявшим сердцевину арийского культа жертвоприношений: говорили, что солнце, огонь, поддерживающий жизнь, снизошло в наш мир и скрылось под толщей земли. Но, когда мы ударяем друг о друга камни или трем деревянные палочки, Агни выходит из укрытия, вспыхивает и переносит дары, бросаемые в жертвенный огонь, прямоком на небеса. Кроме того, Агни – это «огонь» сознания, исходящий из таинственных глубин нашего бытия и явленный в мышлении. Опыняющее растение *сома* – тоже *дэва*, ибо она наделяет воина отвагой; а кроме того, это источник откровения, ибо она обостряет интуицию *риши* и на несколько мгновений возносит его до божества¹⁶⁹. Один из *риши* так описывал это чувство беспредельной широты и свободы от тягот повседневного существования:

Мы выпили *сомы*; мы стали бессмертны; мы взошли к свету; мы нашли богов. Ненависть и злокозненность смертных что сделают нам ныне, о бессмертный?..

Ушли слабость и болезни; в ужасе бежали силы тьмы. Сомы восходит в нас и распространяется. Мы нашли место, в котором сможем жить вечно¹⁷⁰.

Дэва звалось все, что расширяло сознание ариев и приближало их к священному, все, что помогало ощутить себя в мире как дома. В Ригведе и Агни, и Сомы именуются «сострадательными друзьями» ариев. Митра, властитель дня, пробуждал ария на рассвете; имя его также означает «друг»¹⁷¹. Один *риши* представлял себе, как Митра и Варуна, повелитель ночи, сидят на площадке для жертвоприношений бок о бок с ариями, как их друзья и товарищи¹⁷².

¹⁶⁵ Heesterman, 'Ritual, Revelation and the Axial Age', 403.

¹⁶⁶ Heesterman, *Broken World*, 126.

¹⁶⁷ Klostermaier, *Survey of Hinduism*, 130.

¹⁶⁸ Griffiths, 58–59.

¹⁶⁹ Elizarenkova, 19.

¹⁷⁰ РВ 8.48.3, 11; пер. Doniger.

¹⁷¹ РВ 3.59.1.

У ариев не было ни организованного пантеона, ни высшего божества, «Верховного Бога», поскольку все эти *дэвы* являлись частью некоей предельной, безличной, всеобъемлющей силы. «Ее называют Индрой, Митрой, Варуной, Агни, – объяснял один *риши*. – А мудрец по-разному говорит о том, что Едино»¹⁷³. Каждый *дэва* восхваляется как создатель и хранитель вселенной, ибо каждый из них – лишь стекло, сквозь которое можно увидеть отблески реальности, одна из возможных точек зрения на Абсолютное. Но реальность – не какое-то высшее, всемогущее, самодовлеющее «существо»; она вообще не «существует» в смысле, знакомом нам по существованию здешних хрупких, смертных вещей. Скорее, эта всеобъемлющая и предельно таинственная реальность и есть Бытие как таковое.

Взирая на сложное устройство вселенной, арии поражались и восхищались ее соразмерностью и целенаправленностью. Ежеутренний восход солнца казался им каждодневным чудом: как солнце, луна и звезды не падают с небес? Реки постоянно впадают в океан: почему же океан не выходит из берегов и не поглощает землю? Как с такой регулярностью сменяют друг друга времена года? На эти вопросы отвечает современная наука: но арии искали ответов не в логосе, а в священном мифе. Созерцая жизнь вселенной, они догадывались, что какая-то сила свела воедино все эти потенциально враждебные друг другу стихии. Сила эта не была ни *дэва*, ни современным Богом-Творцом. Скорее, это была некая трансцендентная и безличная сила, которую арии именовали *рта* — ритм вселенной. Они замечали, что космические стихии, кажется, всегда возвращаются к своему источнику – и пытались подражать этому в своем культе, где Агни возносил жертвоприношения назад, на небеса. Любое действие, направленное на разделение, присвоение, попытку придать чему-то самоценность, было «ложью» – изменой *рты*. Так поступали Вритра и Вала, когда пленяли и запирали бескрайнюю красоту природного мира, раскалывали целостную вселенную – и создавали мир тьмы, бесплодия и смерти¹⁷⁴.

Хоть *риши* и не уставали подчеркивать, что предельная реальность невыразима словами, иногда им все же удавалось «увидеть» ее в словесной форме. В одном из поздних гимнов Ригvedы Речь (*Вак*) описывает себя как трансцендентную реальность, заключающую в себе и *дэвов*, и все земное:

Я иду с Рудрами, с Васами, с Адитьями и всеми богами. Я несу Митру и Варуну, Индру и Агни, и обоих Ашвинов...

Я породила отца во главе этого мира. Чрево Мое – в водах океана, оттуда распространяются все мои создания. Венец на главе Моей касается небес.

Я Та, что дует, подобно ветру, охватывающему все создания. Выше неба и ниже земли простирается Мое величие¹⁷⁵.

И Еврейская Библия, и Новый Завет называют творящей силой «Слово» Божье: «Через Него все начало быть»¹⁷⁶. Эта почти повсеместная метафора Слова выражает истину о положении человека. Мы создаем свой мир посредством речи. Ребенок окунается в стихию языка и создает «космос» – упорядоченный мир – играя со словами; чем лучше он владеет речью, тем

¹⁷² РВ 8.48.9; 3.5.3; 1.26.2–4; пер. Doniger.

¹⁷³ РВ 1.164.46; пер. Doniger.

¹⁷⁴ РВ 1.11.9; 5.41.17; 6.74.2; Mahony, 102–104.

¹⁷⁵ РВ 10.125.1, 7–8; пер. Doniger. Ашвины – божественные близнецы, священные хранители плодородия.

¹⁷⁶ Ин 1:1–2.

лучше понимает окружающую среду¹⁷⁷. Язык придает значение нашей реальности – но спотыкается, пытаясь выразить то, что лежит за ее пределами.

Арии рассказывали, что Веда звучала целую вечность, но *риши* первыми сумели ее услышать¹⁷⁸. С помощью *сомы* и, возможно, древнейшей *йоги* они ощутили таинственную силу, связывающую космос воедино. Сообщений о том, как это происходило, они не оставили – но, вполне возможно, культивировали этот процесс сознательно. Слово «мистицизм» происходит от греческого *μυο* — «закрывать». Созерцатели позднейших времен объясняли, что «закрывают» или «выключают» аналитическую, рассудочную деятельность, характерную, как мы теперь знаем, для левого мозгового полушария. Фламандский мистик Иоганн Рюйсбрук (1293–1381) так описывал эту практику в христианской терминологии:

Откровение Отца *возносит душу над разумом*, к безо#бразной нагоде. Там душа проста, чиста и непорочна, пуста от всего; и в этом состоянии *абсолютной пустоты* Отец изливает на нее свое божественное сияние. *Это сияние недоступно ни разуму, ни чувствам, ни замечанию, ни различению: все это должно остаться внизу*¹⁷⁹.

«Опустошив» таким образом сознание, мы открываем путь холистическому правополушарному восприятию. Рюйсбрук полагает, что правополушарную активность вызывает то, что он называет «Отцом»; индийские мистики считали, что инициатива здесь исходит от человека. Контроль дыхания – важнейший, как мы увидим далее, элемент йоги – также был разработан именно для того, чтобы научиться «уходить в свой внутренний мир»¹⁸⁰. В гимнах Ригведы отражено правополушарное восприятие мира как целого, разрозненные части которого скреплены тысячами таинственных связей. С самых древних времен истины, сообщаемые писанием, отличались от фактического знания, которое мы черпаем из обычной, левополушарной работы мозга, лишь очень приблизительно отражающей намного более сложную реальность.

Гимны Ригведы рассказывают, что *риши* слышали «Вак», священное звучание, не связанное с человеческой речью, так же, как «видели» его – путем *дхи* («внутреннего зрения», «прозрения»). Они говорят о «внутреннем оке», который каким-то образом «визуализирует» «знание» (*веда*), лежащее за пределами обыденного языка и имеющее мало отношения к нашим обычным методам усвоения и обработки информации¹⁸¹. Что же «видели» *риши*? По-видимому, мимолетные отблески *рta*, воплощенные в блистательных образах *дэвов*, скачущих на своих колесницах или восседающих на золотых небесных престолах. Тщетно пытались они выразить эти «видения», приходившие к ним в виде отдельных статичных картин, на грубом и неточном человеческом языке: «Поистине, видели мы силою видения [*дхи*] нашего нечто золотое на престолах – умом нашим, чрез очи наши, очами нашими благодаря *соме*»¹⁸². «Нечто золотое» – здесь невозможно подобрать сравнения ни с каким обыденным предметом. Нет и попыток описать действия *дэвов* в ясном, последовательном повествовании. Нет: Слово вшивается в разум *риши* как быстро сменяющие друг друга «мгновенные снимки», в которых нет ни временной, ни логической последовательности. То, что он видит, превосходит само время и может с равной вероятностью относиться к прошлому, настоящему, будущему – или ко всему вместе¹⁸³. Так что гимны Ригведы представляют собой цепь мгновенных прозрений, порой облаченных в форму загадок и парадоксов, не имеющих ясного и однозначного смысла или

¹⁷⁷ Sloek, 63–67.

¹⁷⁸ Wilfred Cantwell Smith, *What Is Scripture?*, 234.

¹⁷⁹ Johannes Ruysbroek, *De Spiegel dar Ensige Sulichpichest*, цит. по Dupré, 454 (*курсив автора*).

¹⁸⁰ Johnston, 33, 55–57.

¹⁸¹ PB 6.9.6; пер. Doniger.

¹⁸² PB 1.139.2; пер. Gonda, *Vision*, 69; ср. 1.18.5; 1.139.2; 1.22.

¹⁸³ Elizarenkova, 16–17.

«морали»¹⁸⁴. Жители Индии и сейчас верят, что истинное знание нельзя постичь одним лишь разумом, ибо божественное превосходит и интеллект, и догматы, и опыт.

Однако это откровение не было «личным делом»: оно посылалось *риши* ради блага общины. В Индии говорят, что визионер всегда должен «возвращаться на рынок». Это означает, что ему следует вернуться к «нормальности» и передать посетившие его мистические озарения другим – в такой форме, которую смогут понять и обычные люди. Так *риши*, «пророчеству» неминуемо приходится стать и *кави* – «поэтом». Ему необходимо каким-то образом отыскать «словесную формулу» (*брахман*), выражающую несказанное на повседневном человеческом языке. Иногда он просит о помощи в этом кого-то из *дэвов*¹⁸⁵. Слово «*брахман*» происходит от корня, означающего «распухать» или «расти». Должно быть, поэты ощущали, как нечто могущественное поднимается в них и распирает изнутри. По их собственным словам, они слагали гимны так же, как портной кроит «прекрасное, хорошо сшитое одеяние... как умелый ремесленник мастерит колесницу»¹⁸⁶, прилаживая одну к другой уже существующие части и создавая из них нечто новое¹⁸⁷.

Риши был в состоянии передать свое неопишемое видение лишь потому, что каким-то образом воплотил его в себе¹⁸⁸: его называли *винпра*, поскольку он «дрожал» или «вибрировал» от ритмов *рта*¹⁸⁹. Его трансцендентное видение было не просто встречей с иной формой существования: он и сам в каком-то смысле становился божеством. Весь смысл стремления к трансцендентному был в том, чтобы достичь этого личного преображения. Правое полушарие открывает нам глубокую взаимосвязь всех вещей: мы понимаем, что между сакральным и профанным, между божественным и человеческим нет непреодолимой пропасти. Это мир метафор, связывающий воедино, по-видимому, различные вещи, так что каждую из них мы начинаем видеть иначе; сказав, что человек есть бог, мы начинаем по-новому смотреть и на природу человека, и на божественность. В Индии и сейчас верят, что истина переживается прежде всего в человеке – в мужчине или женщине, каким-то образом воплотивших в себе божественную мудрость¹⁹⁰.

Декламируя гимны *риши* во время ритуалов жертвоприношений, арии возвращали их, в духе *рты*, тем *дэвам*, которые помогали их создавать. Истинно слышащие писание должны отдавать что-то взамен. Наблюдая в видениях *дэвов* за их небесными трудами, *риши* пришли к выводу, что все они принесли священный обет (*врата*) поддерживать порядок во вселенной. Каждое утро Митра и Варуна выводят в небеса солнце¹⁹¹, а Варуна поддерживает небо над землей, позволяя дождю литься и оплодотворять почву¹⁹². *Дэвы* творят космическое священнодействие, поддерживающее мир в бытии – а арии, предлагая им пищу и *саму*, которую Агни переносит на небеса, поддерживают их и подкрепляют их силы в этой задаче¹⁹³. Миф и сопровождающий его ритуал помогали ариям культивировать в себе чувства благоговения и признательности, отказа принимать мир как должное. Вместо того чтобы эксплуатировать природный мир ради своей выгоды, они следовали *дхарме* — принципу «моральной ответственности», помогающему поддерживать в бытии вселенную. Олицетворяя незримые силы природы, свя-

¹⁸⁴ Gonda, 'The Indian Mantra'.

¹⁸⁵ Michael Witzel, 'Vedas and Upanisads', in Flood, ed., Blackwell, *Companion to Hinduism*, 69, 71; Holdrege, 278; Gonda, *Vision*, 39, 42–50.

¹⁸⁶ PB 5.29.15; пер. Griffith.

¹⁸⁷ Mahony, 216–218.

¹⁸⁸ Elizarenkova, 15–16.

¹⁸⁹ Gonda, *Vision*, 27–34, 56–57.

¹⁹⁰ Wilfred Cantwell Smith, *What Is Scripture?*, 138.

¹⁹¹ PB 4.13.2–3.

¹⁹² PB 6.70.1.

¹⁹³ Elizarenkova, 17–18.

зывая с ветром, солнцем, морем и звездами определенных *дэвов*, они выражали ощущение своей причастности космической тайне¹⁹⁴.

Таким образом, с самого начала индуистское писание было неотделимо от ритуала. Наши знания о ведических ритуалах на столь ранней стадии ограничены, но есть некоторая информация о праздновании Нового года – поворотного пункта, когда, как считалось, космосу грозила опасность вернуться в первозданный хаос¹⁹⁵. Чтобы укрепить *рта* в борьбе с силами тьмы, арии отчаянно состязались друг с другом в ритуализованных соревнованиях: гонках колесниц, стрельбе в цель, демонстрации боевых приемов, игре в кости и инсценированных сражениях¹⁹⁶. Одним из этих соревнований было состязание поэтов, где *риши* импровизировали, полагаясь на вдохновение от своих покровителей-*дэвов*, так агрессивно схватываясь друг с другом, что один поэт сравнил это состязание с боем Индры и Вритры¹⁹⁷. Смерть старого года напоминала о человеческой смертности и наполняла ариев глубокой тревогой; задача поэтов состояла в том, чтобы создать *брахман*, «словесную формулу», выражающую прозрение, способное прогнать этот ужас при мысли о смерти¹⁹⁸.

В одном гимне молодой, неопытный поэт, стоящий на возвышении рядом со своими противниками, признается, что полон страха. Необходимое прозрение у него есть: он знает, что в критический момент, на повороте от старого года к новому, Агни, «подобно царю, отгонит тьму своим светом»¹⁹⁹. Но хватит ли у него мастерства создать *брахман*, который усмирит страхи слушателей? Беспокоит его и то, что состязаться приходится со старшими. Однако, дойдя до третьей строфы своего гимна, он вдруг понимает: не он, а сам Агни сложит и изречет *брахман*, ибо в момент откровения он и Агни становятся едины:

Он знает, как спрясти нить и соткать одежду,
Он правильно произнесет верные слова.
Кто понимает эту [мудрость], тот защитник
бессмертия:
Он ходит внизу, но видит выше остальных²⁰⁰.

Агни – не далекое божество, в которое этому юноше приходится верить; Агни и есть переживание трансцендентного, наполняющее его сердце и ум светом видения, лежащего далеко за пределами обычной человеческой речи. «Что мне говорить? – восклицает он. – Что думать?»²⁰¹

Ведическое общество было построено на состязательности. Этот молодой поэт, так взволнованный тем, что может опозорить своих учителей, знал, что поэтическое соревнование часто заканчивается катастрофической потерей лица: показавшись *амати* («тупоумным») в этот критический момент, можно было лишиться статуса жреца²⁰². Но еще один гимн настаивает: поэзия призвана не разделять, а соединять общину. В этом величайшее достижение первых семерых *риши*:

¹⁹⁴ РВ 10.54.2.

¹⁹⁵ Renou, *Religions of Ancient India*, 5, 11.

¹⁹⁶ Elizarenkova, 26–28.

¹⁹⁷ РВ 7.23.

¹⁹⁸ Findly, 32–44.

¹⁹⁹ РВ 6.9.1; пер. Findly.

²⁰⁰ РВ 6.9.3; пер. Findly (пояснение в скобках мое. – Прим. пер.).

²⁰¹ Там же.

²⁰² РВ 3.53.15–16.

Когда они положили начало речи и стали давать имена, самая чистая, самая тщательно охраняемая их тайна была открыта им через любовь.

Когда мудрецы начали складывать речь, просеивая мысли, словно муку сквозь сито, друзья их познали их дружбу. Так речь их была осенена добрым знаком²⁰³.

Создание стихов Ригведа уподобляет ритуальному процеживанию сомы, очищающему священный напиток. Очень сложно пропустить через ограниченный человеческий ум поэта божественное Слово; если поэтом движет лишь себялюбие, у него ничего не выйдет, ибо вдохновение рождается из любви. Священная Речь (*Вак*) «открывает себя так, как любящая жена в прекрасном наряде открывает свое тело мужу»²⁰⁴. Так что откровение должно соединять людей. *Риши* порицает поэта, который «становится неловок и тяжел в дружбе», ибо истинное просветление несовместимо с враждой²⁰⁵: «Человек, покинувший друга своего, учившегося вместе с ним, более не имеет своей части в Речи»²⁰⁶.

В течение X в. до н. э. арии развивали и уточняли свои представления о высшей реальности, которую теперь называли *Брахманом*. Изначально, как мы помним, это слово относилось к поэтической формуле, но теперь стало применяться к энергии, пронизывающей мир: это Брахман дает возможность всему на свете расти, развиваться и процветать, ибо он есть сама жизнь²⁰⁷. Как и *рта*, Брахман – не *дэва*: это сила выше, глубже, фундаментальнее богов²⁰⁸. Ее невозможно определить или описать, ибо она всеобъемлюща: человек не может выйти за ее пределы, чтобы увидеть ее целиком. Но драма ритуала позволяет ощутить ее интуитивно. Теперь обряд жертвоприношения часто завершался ритуальным состязанием, так называемым *брахмодья*, в котором поэты-жрецы пытались найти словесную формулу («*брахман*») для выражения невыразимого Брахмана. Тот, кто бросал вызов, задавал сложный вопрос, а его соперник старался дать на него столь же темный и загадочный ответ. Состязание продолжалось, пока один из соперников не задавал такой вопрос, который всех заставлял умолкнуть. Этого человека и объявляли победителем – но не за талант, мастерство или остроту ума, а за то, что он помог участникам состязания приблизиться к невыразимому. Молчание, наступавшее вслед за этим, быть может, чем-то напоминало тишину в концертном зале после того, как отзвучат последние ноты симфонии. Это была торжественная, благоговейная тишина, полная значения – и присутствия Брахмана. Мудрые мысли и ученые изречения жрецов меркли, вечно занятой ум останавливал свое коловращение – и на несколько мгновений они ощущали себя едиными с таинственной силой, которой живет и движется все сущее. Брахман, превосходящий все человеческие категории, можно было ощутить лишь в такие минуты – когда с изумлением понимаешь бессилие речи²⁰⁹.

Один из поздних гимнов Ригведы представляет собой *брахмодья*. Открывается он предположением, что в начале не было ничего – ни бытия, ни небытия. Каким же образом, – задаются недоуменными вопросами *риши*, – из этой бездонной пустоты возник знакомый нам упорядоченный космос?

Кто знает это? Кто сможет объяснить? Когда это было создано? Откуда это творение? Боги явились позже, вместе с сотворением вселенной. Кто знает, откуда оно явилось? – быть может, само породило себя, быть может, нет. Один

²⁰³ РВ 10.71.1–2; пер. Doniger.

²⁰⁴ Там же, ст. 4.

²⁰⁵ Там же, ст. 5.

²⁰⁶ Там же, ст. 6.

²⁰⁷ Gonda, *Change and Continuity*, 200.

²⁰⁸ Renou, 'Sur la notion de brahman'.

²⁰⁹ Heesterman, *Inner Conflict*, 70–72, 73.

лишь тот, кто взирает на это с высочайшего неба – один он знает, а быть может, не знает и он²¹⁰.

Наконец *риши* умолкает и признает, что достиг неизреченного. Ответов на эти вопросы не знают даже *дэвы*. Так гордые и многоречивые арии узнали о писании важную истину. В богооткровенных текстах нет ответов на все вопросы – и более того: любой религиозный язык – даже вдохновленные свыше слова писания – рано или поздно должен раствориться в молчании, пронизанном незнанием и благоговейным трепетом.

* * *

К IX в. до н. э. арии продвинулись еще дальше на восток и создали между реками Ганг и Ямуна два небольших царства: одно представляло собой союз кланов Куру и Панчала, другое принадлежало клану Ядава. К этому времени у ариев сложились классические сельскохозяйственные государства. До того арийское общество не было жестко стратифицировано, однако сельское хозяйство требовало общественной специализации. В него пришлось включить и *дасов*, коренных жителей Индии, обладавших сельскохозяйственными знаниями и навыками, так что старая мифология, демонизировавшая *дасов*, устарела. В ежегодные походы отправлялась теперь лишь воинская элита, остальные оставались дома. Некоторые прежние воины трудились в полях наравне с *дасами*, другие стали горшечниками, кожевниками, кузнецами и ткачами. Арийское общество теперь делилось на четыре класса. Возглавляли иерархию *брамины*, жрецы, совершающие ритуалы; следом шли воины (*раджаны*, впоследствии *кишатри* – «наделенные силой»), затем рядовые члены кланов (*вайшьи*), и наконец *дасы*, которые сделались *шудрами* («слугами»).

У священников было теперь больше свободного времени для размышлений о божественном; и они создали ритуальную науку, сосредоточенную не на *дэвах*, а на самих ритуалах. Свои прозрения они фиксировали в «Брахманах» – новом сборнике текстов, окончательно кодифицированном к VI в. до н. э., из которого следовало, что писание выполняет служебную роль по отношению к ритуалу²¹¹. Цель этих текстов была проста: наставление жрецов в тонкостях *яджна* – искусства жертвоприношений²¹². Теперь Веда представляла собой четыре сборника текстов. Первый – Ригведа, другие – Самаведа, сборник песнопений (*саман*) вместе с указаниями, как исполнять их во время жертвоприношений; Яджурведа – сборник кратких прозаических формул, употребляемых во время *яджна*; и Атхарваведа – антология гимнов и магических заклинаний. Существовало четыре школы жрецов: каждая из них отвечала за запоминание и передачу одной из Вед – и в совершении обрядов участвовали служители всех четырех²¹³. Жрец *хотр*, специализировавшийся на Ригведе, исполнял основные тексты; ему помогал *удгатр*, «громко распеваящий» песнопения из Самаведы; а жрец *адварью*, специализировавшийся на Яджурведе, выполнял необходимые действия. Четвертый жрец, *брамин*, во время всего ритуала оставался молчалив и недвижим, однако его присутствие было здесь ключевым. Он наблюдал за действиями остальных, убеждался, что все выполняется правильно, а если кто-то совершал ошибку – исправлял ее в своем уме²¹⁴. О его молчании говорили: «Это половина жертвоприношения»²¹⁵. Хоть «Брахманы» и ориентировались на сказанное слово, в

²¹⁰ РВ 10.129.6–7; пер. Doniger.

²¹¹ Flood, *Introduction to Hinduism*, 39; Klostermaier, *Survey of Hinduism*, 68; Jan Gonda, *Samhitas and Brahmanas* (Wiesbaden, 1974).

²¹² Klostermaier, *Survey of Hinduism*, 68.

²¹³ Flood, *Introduction to Hinduism*, 37.

²¹⁴ Mahony, 121.

²¹⁵ Каушитики Брахмана (КБ) 6.11; Heesterman, *Broken World*, 150.

центре всех ритуализованных действий оставалось слово несказанное – молчание, указывающее на невыразимое²¹⁶.

За новыми обрядами стояла жажда личного преображения. Прежние ритуализованные состязания, полные кипучего азарта, сменились символическим путешествием на небеса, в котором «жертвующий» или «хозяин» – *киатрий*

---

²¹⁶ Padoux, 297–298.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.